

Глава 6: Рябь на глади пруда

Уют приходит во многих обличьях: для неё он заключался в равномерном покачивании пола и плеске волн, разбивающихся о корпус. Мелочь, конечно, а приятно. Но прямо сейчас она была благодарна любой распространяющейся на неё мелочи. Она могла часами валяться в своей постели, вслушиваясь в плеск волн и не обращая никакого внимания на весь остальной мир снаружи: на отдалённые звуки, с которыми все остальные занимаются своими повседневными делами. На звон колоколов, оповещающих о причаливании или отчаливании судов. На несомые ветром песнопения, долетавшие до её ушей сквозь открытый люк. Всё, что ей нужно было сделать – закрыть глаза, и она вновь оказывалась на борту корабля и ощущала палубу под своими копытами.

С того момента, как её лишили звания и «Абалон», прошло уже три месяца, но она по-прежнему чувствовала острый запах впитавшегося в дерево устричного сока и слышала скрипы и стоны досок.

— Махеалани! Не могла бы ты уделить мне пару минут и помочь с жеребятами? — прокричала в открытый люк кобыла.

Махеалани закрыла глаза. Единственное, чего она хотела – лежать на кровати, пока море не станет последним, что она услышит, но брачная сестра звала её.

— Иду, — ответила зебра, и соскользнула с парусинового гамака на пол своей каюты, представлявшей собой всего лишь комнату с четырьмя стенами, полом, потолком, гамаком и платяным шкафом. Она не смогла перенести с «Абалон» ничего из своих вещей и понятия не имела, находились ли они до сих пор на борту корабля, запёртые где-то в сундуках, или же их выбросили за борт.

Поднявшись по лестнице, она выбралась в ярко-восхитительный день, который, судя по всему, был таким специально, чтобы напакостить её мрачному настроению. Золотой солнечный свет слепящим потоком изливался на Северный Порт, подсвечивая сотни судов, связанных верёвками друг с другом, чтобы образовать общину. Корабль, на котором она сейчас проживала, являлся трёхмачтовым флагманом Флота Цунами и занимал престижное место у причала недалеко от центра общины. И отсюда бывшая капитан «Абалон» могла рассмотреть как доки и фермы по выращиванию морской капусты слева, так и «Бюрю» – гигантское плосковерхое судно, которое и являлось сердцем всего поселения – справа от себя.

— Теперь даже одежду не надеваешь? — спросила пухлая полосатая кобыла, которая, скрестив ноги, сидела на каких-то ящиках рядом с люком. Её грива спадала длинными тугими косичками, увенчанными медными бусинами. Она носила пояс и куртку цветов их флота, но ни ботинок, ни шляпы на ней надето не было. Вместо них на её горле блестел золотой кулон. Махеалани повернулась и, моргнув, посмотрела на кобылу. — Ну в самом деле, это начинает уже приближаться к состоянию «жалкое зрелище».

— Где малыши, Лани? — сердито уставившись на кобылу, спросила Махеалани, оглядываясь вокруг в поисках жеребят.

— Со слугами, — жизнерадостно ответила Лани, которая была на два года старше Махеалани; она обладала радостными зелёными глазами, и беззаботной улыбкой. — Мы с твоими сёстрами согласились, что твоему периоду горевания пришел конец, и что тебе пора уже выбраться наружу и вновь заняться делом.

— Я проклята, — бесхитростно заявила Махеалани.

— Даже проклятый экипаж должен заниматься делом. Ты хандрила уже достаточно долго. Коммодор¹ начал обращать на это внимание. И если нашему дорогому мужу об этом известно, то ты и сама знаешь, что это проблема. И по правде говоря, всё это создаёт тебе и «Абалон» плохую репутацию.

— Он уже подобрал кого-нибудь для «Абалон»? — спросила Махеалани.

— Не капитана, но руководит сейчас Пика, — пожала плечами Лани.

— Пика! Он плавать едва умеет, куда ему в капитаны?! — фыркнув от отвращения, произнесла Махеалани.

— Верно, но он пользующийся доверием сын, и это же «Абалон». Насколько может быть сложным доставать устрицы со дна моря? Ей нужно возместить стоимость ремонта. — Махеалани подавила в себе сильное желание на корню разрушить бездонное невежество своей брачной сестры касательно спокойной рыбалки. И жеребец на посту капитана корабля буквально напрашивался на неприятности. Они слишком много пьянствовали и слишком долго задерживались в порту. Но прежде, чем она смогла указать на эти обстоятельства, Лани ткнула в неё копытом. — Оденся. Сегодня мы выйдем на улицу.

— Я не хочу выходить на улицу, — произнесла Махеалани, оглядываясь на свою манящую постель.

— Ну, это очень плохо. Ты либо пойдёшь со мной, либо я попрошу слуг позволить Тётушке Махеалани присмотреть за жеребятками, — взмахнув ногой, сказала Лани.

— Я проклята, — рявкнула бывшая капитан «Абалона». — Неужели ты об этом уже забыла? Как ты вообще могла помыслить о таком?

Лани лишь наполовину прикрыла веки и слегка ухмыльнулась своей брачной сестре.

— С лёгкостью. Любая кобыла, обременённая присмотром за девятью жеребятками — проклята. Твоё проклятье просто удвоится, или удесятируется. — Она вновь ткнула копытом. — Никакой больше хандры. Одевайся. Выходи. Поверь мне на слово, этого ты пропустить не захочешь.

Раздражение взяло верх над отчаянием, и Махеалани, вернувшись обратно в каюту, открыла платяной шкаф. У неё не имелось никаких прав на ношение униформы, поэтому она надела пояс и куртку цветов своего флота. И единственное отличие её одеяния от одежды Лани заключалось в том, что она потратила время, чтобы надеть сапоги. Махеалани со своей брачной сестрой не могли быть ещё более отличными друг от друга. Махеалани была жилистой, а её шкура — огрубевшей. Лани — округлой,

¹ Коммодор — звание между капитаном I ранга и контр-адмиралом, соответствующее командиру линейного корабля.

пухлой и доброй. Махеалани трудилась с самого жеребчества, чтобы стать капитаном корабля, и вышла замуж за коммодора, дабы получить такую возможность. А Лани вошла во Флот посредством замужества, с кораблём «Голубой Лотос» в качестве приданого. И Махеалани сомневалась, что Лани сможет пройти под парусом больше мили, не перевернувшись кверху днищем.

С другой стороны, Лани ещё ни разу не просила проклятую зебру отстаивать свои интересы.

Моряки по своей природе были суеверны, а Атоли являлись зебрами-моряками. В подобной просьбе не было никакого преступления, поскольку пара Атоли были достаточно безумны, чтобы воззвать к проклятым силам. Каким бы судном она ни командовала, экипаж задавался бы вопросом, когда же проклятье нанесёт свой удар. Какую оно примет форму? Останется ли оно на корабле или всё же последует за капитаном? Её дочери убедили экипаж, что «Абалон» по-прежнему не замарана. Но её капитан... существуют такие пятна, которые даже морю смыть не под силу.

— Что ещё такое важное случилось? — спросила Махеалани, когда они направились к борту судна. Флагман Флота – «Золотая Полоска» – являлась в далёком прошлом торговым кораблём. Его дух был старым, толстым и счастливым, удерживающим червей-древоточцев вдали от корпуса, а само судно на плаву. Экипаж занимал себя больше домашними заботами, нежели какой-либо деятельностью, которую Махеалани могла бы связать с мореплаванием. Обе кобылы преклонили колени в корабельном святилище, где поблескивающие золотые монетки складывались в волнистый глиф, являвшийся символом их племени, который находился над глифом безжалостной сокрушающей волны.

— Увидишь, — произнесла Лани, когда они достигли трапа и сошли на территорию Северного Порта. Окружившие их восемь стражей, по четыре спереди и сзади, шли, внимательно поглядывая по сторонам.

После войн, когда Империя рухнула, моря опустошали мегазаклинания, и по всему накрывшая весь мир радиация испортила их награду, корабли в северных морях работали сообща, отчаянно пытаясь выжить. Стальные и деревянные суда крепко связали воедино, чтобы сформировать своеобразное сообщество после того, как порты на суше поглотили мегазаклинания. Несмотря на многочисленные беды, Северный Порт уцелел. Выжившие по всему побережью вели с ним торговлю, и корпуса кораблей наполнились всевозможными товарами. Жизнь для Флотов была хороша.

Но для остальных зебр всё было не столь радужно, и они, прищурившись, алчно взирали на проходящие суда. Некоторым из местных жителей повезло, у них имелась собственная лодка, но большинству подобное было не доступно, и они работали на фермах по выращиванию морской капусты или рыбы. Они потрошили и засаливали улов всего за несколько кусочков филе, рыся по округе лишь в собственных полосках либо в любых парусиновых лохмотьях, какие могли отыскать. В то время как Флоты могли позволить себе большие траты, ни один Флот не хотел рисковать собой или своим богатством во имя щедрости. Так что Лани с Махеалани рысили мимо прилавок, ненадёжно примостившихся на самом краю пристани, и прохуdivшихся

барж, грозящих превратиться в болото от одной хорошей волны. Корабли, лишившиеся душ, или ставшие пристанищами проклятых и никчемных духов. И Махеалани не знала, что хуже.

И ведь они находились неподалёку от «Бури». А как же обстояли дела немного дальше, ближе к окраине, где проживали настоящие нищие? Пока они шли дальше, Махеалани видела вгрызающиеся в неё взгляды. Как смела она быть частью Флота? Как смела она идти мимо их лачуг в своём чистом поясе и куртке?

Махеалани слегка расслабилась, как только они добрались до территории «Бури», где бдительные стражи готовы были противостоять любым неприятностям. Сходни вели их всё выше в сторону являвшегося сердцем города огромного судна.

— В порту стало больше народу, чем я помню.

— Что есть одна проклятая зебра на фоне стольких неимущих? — ответила Лани, её улыбка никуда не делась, но во взгляде сквозило беспокойство. — Многие поселения подверглись нападениям нашей брачной сестры.

— Теперь она нападает на свой же народ? Что за безумие! — прошипела Махеалани, когда они подошли к одной из дверей, вырезанной на половину высоты корпуса в борту корабля. «Буря» была Драконьим Гнездом, гигантским, плосковерхим, двухкорпусным судном, созданным для размещения десятков драконов, которые отдыхали и восстанавливались здесь во время войны. К этому времени большая часть драконов уже давным-давно умерла, но корабль возвышался гордым и сильным. И где-то в его чреве находилось настоящее технологическое чудо, якобы украденное у пони, которое давало электроэнергию всему порту. Каждый Флот содержал здесь свою контору, и огромные площади, которые некогда занимали драконы, были теперь переделаны в роскошные жилые помещения, которым позавидовали бы большинство обитателей мира. Другие площади служили складами для магазинов поселения, и там хранилось достаточно продовольствия, чтобы в течение многих лет кормить жильцов... либо в течение месяцев толпу снаружи.

— Она ходит по самой кромке закона. Заявляя, что они рейдеры и мрази, она говорит, будто узнаёт об обратном, когда становится уже слишком поздно. Флот Кракен и Флот Водоворот на грани войны, — с улыбкой произнесла Лани. — К счастью, нам больше не придётся волноваться об этом.

Несколько зебр внезапно метнулись к поручням сходен и принялись указывать на север.

— Что, во имя пяти морей... — начала было Лани, пристально вглядываясь в море и прикладывая ко лбу ногу, чтобы солнечный свет не попадал в глаза. — Это ещё что такое?

Вода на севере бурлила, будто бешено кипя, образуя огромную гору из пены.

— Купель! — произнесла Махеалани, с огнём в глазах.

Из самого центра купели появилось восхитительное зрелище – белый, блестящий как жемчуг шпиль, вздымающийся всё выше в небеса, который соединялся с длинным, обтекаемым кораблём, сделанным из белого дерева и латуни. И когда половина его длины устремилась в небеса, будто выпрыгивающий из воды кит, он обрушился вниз в

великолепном веере брызг. Вода стекала с его треугольных парусов, пока он угрожающе покачивался и подпрыгивал на волнах.

— Корабль Эстоли, — восторженно произнесла Махеалани.

Многие чужаки не осознавали того, что океан феноменально огромен, и пусть лишь одно племя было морским, оно имело, по крайней мере, четыре имени. Атоли и Эстоли различались как день и ночь. Эстоли никогда не знали войны с пони, поскольку проживали на северо-восточной оконечности континента. Их корабли были длинными, узкими и красивыми изделиями, которые, казалось, обречены перевернуться кверху днищем от сильного бриза. Суда Атоли представляли собой корабли, созданные для ведения торговли и войн. Они были тяжелыми, мощными и прочными судами, неуклюже ходящими вместе. Махеалани ни за что не захотела бы служить на плавающей по морю зубочистке, но была бы дурой, проигнорируй она красоту их очертаний.

— Восхитительно, но, что он здесь делает? — спросила она у Лани. Купели были древней магией, присущей исключительно её племени. Требовалась по крайней мере дюжина шаманов, чтобы создать подводный проход от одного океана в другой. Во время войны Империя потребовала эту магию себе, никогда и не понимая требований подобного переноса.

— И они не единственные, — указывая копытом, произнесла Лани. — Атори и Эстори тоже здесь, — указала она ногой на две группы судов в стороне.

Атоли и Эстоли были цивилизованными купцами и исследователями. Их... дальние родственники... нет. Их полоски были окрашены синей, зелёной и красной красками. Перья, рыбы головы, когти, клыки и другие странные кусочки органики были вплетены в их гривы и хвосты. Они разнообразнейшими способами протыкали странными украшениями свои уши, носы и губы. Вместо оружия из стали они орудовали увенчанными акульими зубами, деревянными вёслами, зазубренными обсидиановыми мечами, либо покрытыми колючками копьями из позвончиков скатов. Их покрытые маслом шкуры сверкали, едва удерживая в себе напряженные мышцы жеребцов. А кобылы двигались с такой грацией и красотой, что у Махеалани шерсть вставала дыбом от зависти. Если коммодор возьмёт одну из них в жены, пока они находятся здесь, то её брачные сёстры будут месяц мариновать её в трюме. Говорят, существует лишь один способ отличить одно племя от другого — поискать взглядом заострённые зубы. Атори были каннибалами и пожирали части тел своих врагов, чтобы заполучить их силу.

Если призадуматься, то потребовалось полное уничтожение мегазаклинаниями большей части мира, чтобы показать, что они каннибалы. Атори делали это согласно Традиции. С гордостью.

— Что-то происходит, — сказала Махеалани, привычно нахмурившись.

— А разве я не говорила тебе, дорогая сестра, что ты не захочешь оставаться в постели? — тепло произнесла Лани.

Четыре народности морского племени, собравшиеся все разом в одном месте... подобное не происходит просто так. В принципе, члены племён Эстоли и Эстори могут

посещать Северный Порт, но лишь временами и обычно как отдельные их представители. А в данный момент Махеалани наблюдала два десятка зебр из южной ветви своего племени. Трудно было даже представить, что вообще могло привести их в такую даль.

— Я заслуживаю порку за то, что пренебрегала своим долгом, валяясь в постели и хандря, — пробормотала Махеалани себе под нос.

— О, коммодор этого ещё не заметил, дорогая, — с улыбкой произнесла Лани, пока они шли сквозь корабль в сторону центрального возвышения. Палуба «Бури» представляла собой бронированную стальную плиту, достаточно прочную, чтобы выдержать даже интенсивный артобстрел Тандерхедов. И тем не менее в перемежающихся слоях стали и керамики были проплавлены несколько дыр, сквозь которые в находящиеся внизу помещения проникал солнечный свет. В настоящие дни верхняя палуба судна представляла собой ухоженный сад, обеспечивающий едой четверть населения города. Многие из деревьев были спасены с родных островов племени и перевезены сюда прежде, чем они расплавили их, превратив в стекло.

— Эй! Махеалани! — прокричала стоящая впереди кобыла, и бывшая капитан «Абалон» перевела взгляд на компанию из четырёх зебр, носящих такие же одежды и медальоны, как и она с Лани. Это были три её брачных сестры и муж – Коммодор Флота Цунами.

Он был почтенным жеребцом пятидесяти пяти лет, и его полосы были столь же серыми, как и ниспадающая до самой груди борода. Как и у любого другого добропорядочного Атоли, его мятый голубой вельветовый китель был украшен крошечными золотыми монетами, которые блестели и позвякивали при ходьбе. На его голове красовалась великолепная адмиральская шляпа, и он носил приличествующие его званию меч и пистолет.

— Ты пришла! — удивлённо моргнув, произнёс коммодор, после чего обратился к Лани. — Как же тебе удалось это сделать?

— Я пригрозила ей, что она будет присматривать за жеребятами, — ответила та.

— И всего-то? — нахмурившись, спросил коммодор, и кобылы тут же зафыркали и захихикали.

— Ох, мой милый муж, когда-нибудь тебе всё же стоит попытаться приглядеть за всеми своими отпрысками, — дипломатично предложила Лани. — Быть может, это станет для тебя озарением.

Коммодор озадаченно нахмурился.

— Что ж, я рад, что ты здесь. Твои брачные сёстры не были уверены, сможешь ли ты здесь поприусутствовать, — произнёс он, указывая в сторону средней части судна, где в самом центре сада столетия назад открыли люк, да так его и оставили. — Мне нужно, чтобы ты дала свидетельские показания.

— Свидетельские показания? Касательно чего? — спросила Махеалани.

— Касательно того, что произошло с твоим кораблём, Лала, — произнесла кобыла с суровым лицом. Капитан Ориноко командовала торговым судном Флота Цунами,

была второй из жен коммодора и гордо носила на голове свою расшитую монетами шляпу.

— Мы пытаемся осудить Сулой заочно, — мрачно произнёс Коммодор Цунами. — Пришло время остановить мою странствующую жену, чтобы она отчиталась за свои деяния.

— Дать свидетельские показания? — резко усевшись на круп, квёло произнесла Махеалани.

— Я ведь тебе говорила, что ты не захочешь это пропустить, — хихикнула Лани.

Вся группа проследовала к люку, где переливающаяся через край вода из дюжины ручьёв низвергалась в находящийся под палубой громадный отсек, который тянулся от бронированной верхней палубы до самого моря, видневшегося сквозь технологический проём в днище судна меж двух его корпусов. Располагающиеся кольцами переходные мостки вились вокруг переборок, спускаясь к находящейся в центре проёма платформе. В былые времена на ней поднимали и опускали раненых драконов до помещений, в которых они могли бы отдохнуть и получить медицинскую помощь. Теперь же волны мягко плескались у копыт примерно пятидесяти зебр. И под ней не было ничего, кроме многих километров океана и темной сине-зеленой воды. В центре платформы на троне из костей морских драконов восседал Адмирал Атоли.

Махеалани никогда прежде не встречалась с ним лично. Будучи на десять лет моложе её мужа, он производил сильное впечатление. Одетый в полностью покрывающий его тело мятый синий вельветовый китель с золотыми аксельбантами², он носил на голове искусно сделанную треуголку. Его окружали со всех сторон старейшины, которых Атоли называли «коммодорами». Место её мужа было свободно, из-за своей пристрастности в этом деле он вряд ли смог бы проголосовать. Обычно жены и дочери коммодоров командовали их кораблями из-за «любви, верности и преданности». Ведь у сыновей имелась отвратительная привычка бездумно рисковать кораблями и совершать какие-нибудь глупости, чтобы впечатлить кобыл, поэтому их обучали ведению коммерческих дел, чтобы они могли жениться на каких-нибудь кобылах, которые и управляли бы их кораблями.

У Адмирала не было жен. Не было семьи. Как у капитанов и коммодоров, у него не было даже имени. Он был просто Адмиралом Атоли.

Вокруг опускной платформы собралось огромное множество шаманов. Здесь были рыбные шаманы, птичьи, водные и воздушные. Коралловые шаманы с привязанными к их гривам красновато-желтыми и белыми веточками кораллов. Моллюсковые и устричные шаманы в изысканных перламутровых масках. Водорослевые шаманы, обмотанные зелеными и красными листьями. Пляжные шаманы с костяшками домино из плавника в покрытых коркой песка шалах. Мрачные рифовые шаманы Атори, облаченные в обломки потерпевших кораблекрушения судов, и раскрашенные в оранжевый и красный цвета вулканические шаманы Эстори. А каким духам служат

² Аксельбант – наплечный отличительный предмет в виде золотого, серебряного или цветного нитяного плетёного шнура с металлическими наконечниками.

некоторые из шаманов, Махеалани не могла даже и предположить. Здесь собралось больше шаманов, чем она когда-либо видела за всю свою жизнь.

— И всё это ради суда? — задыхаясь спросила Махеалани.

— О, нет. Шаманы пришли сюда по какому-то другому делу, но кто решится указать им на выход? — жизнерадостно ответила Лани. И в самом деле, создавалось впечатление, что здесь собрались все, у кого в Северном Порту имелось право доступа на борт «Бури». Возвышающиеся над платформой мостки были забиты громко переговаривающимися друг с другом зрителями. Махеалани видела членов всех двенадцати ныне существующих флотов, даже представителей нескольких второстепенных торговых домов, у которых не доставало подходящих кораблей, чтобы получить статус старейшины.

— Как жаль, что отпрыски ваши прийти не смогли. Ещё не видела я собрания такого. Со всех четырёх сторон океана прибыли они, — произнесла Капитан Ориноко, пока они пробирались по лестницам меж рядов вниз, к подножию. Несколько членов других флотов одарили их пристальными взглядами, но учитывая, что они собирались здесь сделать, они попридержали языки — пока что.

Вытащив из кителя сферу из черного, похожего на стекло тусклого вещества, Адмирал опустил её на подлокотник трона. Звук от удара пронзил гул разговоров, как нож парусину, и все взгляды обратились к трону. Сфера опустилась ещё дважды, и на третий раз все разговоры окончательно смолкли.

Поднявшись, Адмирал повернулся, обводя собравшихся зёбр пристальным взглядом своего пронзительно-желтого глаза, в то время как на месте второго находилось жуткое переплетение рубцовой ткани, едва скрытое повязкой.

— Это заседание суда объявляется начавшимся! — объявил он, и его слова без малейших усилий достигли даже самых удалённых уголком помещения. — Против Капитана Сулой были выдвинуты обвинения. Племя призывает её к ответу.

Адмирал уселся обратно на трон.

— Присутствует ли здесь капитан, чтобы ответить на эти обвинения? — Никто не ответил. — Есть ли здесь кто-либо, могущий говорить от её имени?

— Я! — выкрикнул жеребец, стоящий неподалёку от группы, в которую входила Махеалани, проталкиваясь к краю. Ропот и ворчание распространились по отсеку, и сфера вновь опустилась вниз, заставляя их смолкнуть.

— Назовись, — монотонно произнёс Адмирал.

— Командующий Вага, — ответил жеребец. — Заместитель командира «Сулой».

— Вместо того, чтобы явиться лично, она присылает своего заместителя, — проворчала стоящая рядом с Махеалани Капитан Ориноко. — Ну и трусость.

Адмирал махнул копытом, и из платформы выдвинулся мост, по которому порысил жеребец.

— Вага? Это похоже на понячье имя, — произнёс Адмирал. — Что за флот? Какая семья?

— «Сулой» — наша семья, Адмирал. И какое бы ни было у меня имя, я отверг его, когда поднялся на её борт, — гордо ответил Вага. Махеалани предположила, что ему

было лет двадцать пять. Симпатичный и подтянутый, будто какой-то своенравный наследник флота, в котором не нашлось места для третьего или четвёртого сына. Он полностью выкрасил гриву в черный цвет и был облачен в униформу двухсотлетней давности.

— Хорошо, — произнёс Адмирал, позволяя Ваге ступить на платформу. — Пусть потерпевшие выйдут вперёд и дадут свидетельские показания. Как только мы услышим достаточно, Флоты проголосуют. А коль голоса разделятся поровну, то Море разрешит сей спор. — Махеалани вздрогнула. Технически это просто означало, что он проголосует вместо духов и Атоли, но с таким количеством находящихся здесь шаманов это будет неприятно.

Один за другим на платформу переходили зебры из других флотов, чтобы описать нападения «Сулой» на их суда и поселения. Подобные нападения обычно совершали пираты и рейдерствующие подонки без флота или семьи, но они редко были столь же успешны, как Сулой. В течение примерно часа потерпевшие выходили на платформу, чтобы рассказать о причиненных ею бедствиях. Зрители ревели и кричали в подходящих моментах, пока свидетели сменялись один за другим.

И всё это время Вага стоял на месте, с выражением обамлѐнного в скуку безразличия на лице. Он не отвечал ни на какие оскорбления, просто пропуская их мимо ушей. Если он и был разговорчив, то, похоже, не знал об этом. Вместо этого он впитывал гнев толпы с выражением спокойного презрения на лице.

Когда последний свидетель закончил свой рассказ, Адмирал прокричал:

— Капитан Сулой ходит под парусами как часть Флота Цунами. Пусть Коммодор Флота Цунами выйдет вперёд! — Поправив свой китель и шляпу, Коммодор Цунами спокойно пересѐк мост и встал рядом с Вагой. — Коммодор Цунами, приказывал ли ты Капитану Сулой совершать эти нападения на своих собратьев Атоли?

Ответ коммодора был незамедлителен и четок:

— Никак нет! Еѐ агрессия по отношению к нашему племени никогда не входила в мои планы или интересы моей флотилии. Ей позволено бороздить моря и по своей прихоти грабить рейдеров, пиратов и пони. Ей разрешено разорять земли яков и обворовывать грифонов, раз уж ей так этого хочется. Но она никогда не должна была отбирать у соплеменников даже одной монетки! — провозгласил он с такой яростной убежденностью, что Махеалани вспомнила, почему родила от него двоих жеребят.

— Но ты женился на ней и включил в состав флота! — крикнул коммодор, стоящий рядом с тронem из костей дракона. На нем была лента и подвеска «Флот Кракен». — Возьми на себя ответственность за своего капитана! — потребовал он, ударяя копытами о палубу.

— Да! Это так! — прогрохотал он, неодобрительно скривив губы. — И я этого не отрицаю. И, если бы она была здесь, я бы хорошенько еѐ побил за все еѐ бесконечные оскорбления. Будь у меня силы и средства, я бы отправил на дно еѐ и еѐ проклятый боевой корабль, но у меня всего этого нет. Я женился на ней лишь для того, чтобы освободить всех нас от угрозы еѐ грабежей, Кракен! Я намеревался превратить пирата в благонадежную дочь Атоли. — Он указал копытом на коммодоров. — Я действовал,

пока другие просто оставались в стороне и ныли по поводу слабого ветра и поперечных течений рядом с «Сулой». Когда я встретился с ней, я увидел молодую кобылу с боевым судном, которая не имела ни терпения, ни достаточной мудрости, чтобы правильно его использовать. Я женился на ней, чтобы дать ей семью и родной дом. Я раз за разом пытался включить её в походный ордер, но она отвергала моё мягкое руководство. Она наплевала на наши Традиции и сопротивлялась любым попыткам заменить или наказать её. Не вините меня в том, что я не смог укротить зимний шквал её натуры!

— Ты женился на ней, чтобы защитить своё собственное богатство, Цунами! — проревел Водоворот. Адмирал вновь стукнул сферическим камнем о подлокотник, и Махеалани ощутила, как завибрировали её кости.

— К порядку. Это суд, а не потасовка в баре. Займётесь этим после вынесения приговора, — выдал указание Адмирал. — Есть ли у вас другие свидетели, могущие выступить на этом суде, Коммодор? — мрачно произнёс Адмирал. — Вода волнуется всё сильнее.

— Лишь ещё один, — указал на Махеалани Коммодор. — Выслушайте её, и вы поймёте, что порочность Сулой простирается не только лишь до нападений на наше племя. Она обратила свои пушки против собственного флота и попыталась убить собственную брачную сестру! — Это заявление привлекло внимание коммодоров. Незначительное применение силы между флотами было ожидаемо, это было просто следствием торговли. Но обратиться против собственного флота и поднять мятеж было самым тяжким преступлением, которое мог совершить капитан.

Махеалани взглянула на Адмирала, показавшего жестом, что ей следует пересечь мост.

— Расскажи свою историю, Махеалани, — с лёгкой улыбкой, которая не смогла её успокоить, отважно произнес Цунами. — Пусть все узнают, что попыталась сделать Сулой, и как она потерпела в этом неудачу.

— О, да. Расскажи им всё, — улыбнувшись, сказал Вага. Махеалани нескольких секунд пристально смотрела на него. Его уверенность... его скука...

Это была ловушка. Сулой обожала ловушки, она едва не поймала «Абалон» в одну из них. И всё же... для кого? Как? Почему? Когда этот суд завершится, с ней не станет торговать ни один Атоли. И сейчас совокупной мощи собравшихся здесь шаманов хватило бы, чтобы проклясть «Сулой» и отправить судно прямо на дно океана, если её сочтут виновной. И тем не менее Вага ни разу не потрудился возразить или привести доводы против свидетельских показаний, обличающих его капитана.

Встав на платформу в центре технологического проёма, Махеалани повернулась, подняв голову, оглядывая собравшихся вокруг неё зебр. Как моряк, она уже сталкивалась в море с неисчислимым множеством опасностей. Противостояла бушующим штормам, грозящим смыть её за борт. Как капитан, она разбиралась с невольничьими судами, пиратами и бунтами экипажа. И прямо сейчас она бы с радостью предпочла иметь дело со всем этим вместо выступления перед сотнями зрителей.

— Просто говори. Духи донесут до них твои слова, — произнёс Адмирал низким, спокойным голосом. Махеалани тяжело сглотнула, понимая, что сейчас на неё взирают не только смертные.

Закрыв глаза, она глубоко вдохнула, подумала о дочери и заговорила.

— Всё это началось, когда мы, совершая путешествие к Раздробленным Островам, чтобы отдать дань уважения нашим предкам, обнаружили на острове застрявших там четверых жеребят: Зенкори, Старкаттери, пони и странное существо — полу-пони, полу-дракона, — И начиная с этого момента, Махеалани пересказала всё, что произошло, умолчав лишь о нескольких незначительных деталях, таких как заявление Скотч Тейп, будто бы она путешествовала на луну. Бывшая капитан понятия не имела, во что играла кобылка, когда говорила такое. В остальном же она рассказывала свою историю как можно более полно. Аудитория внимала каждому её слову, ахая от ужаса при упоминании о сброшенных на рыбный риф отходах, и ее признании о том, что она попросила Старкаттери попросить от её имени помощи у звёзд. В конечном итоге она закончила тем, что рассказала, как добралась до «Ориноко» как раз вовремя, чтобы не дать Сулой потопить «Абалон».

— Это... та ещё история, — произнес Адмирал в наступившей после её рассказа тишине.

— Каждое слово в этом рассказе правдиво, и пусть меня поглотит море, коль я соврала, — прижав копыто к груди.

— Да. Захватывающая история, — произнёс Вага с этой своей непринуждённой улыбкой. — Одна из тех, которую им следует рассказывать из поколения в поколение.

— Ты отрицаешь или опровергаешь её рассказ? — спокойно спросил Адмирал, неотрывно смотря на молодого жеребца. — Потрава рыболовных угодий. Открытие огня по судну племени без какого-либо повода. Бунт в собственном флоте. Это серьёзные обвинения.

— Мда? А что насчёт оказания помощи и потворствования врагу? — спросил Вага, принявшись ходить вокруг Махеалани. — Содействие пони и Старкаттери? Я даже и не знаю, что из этого хуже, а ты?

— Они жеребята! — незамедлительно возразила кобыла.

— наших врагов! — резко ответил он, презрительно фыркнув.

— К порядку! — треснул Адмирал сферой по подлокотнику. — Здесь судят не Махеалани.

Но Вага не унимался.

— Так почему ты просто не оставила их на острове, чтобы им помог кто-нибудь другой? Почему ты решила подобрать врагов нашего народа? Ведь они были нашими врагами. Разве «Абалон» ходит не под флагом с изображением насаженной на меч головы Принцессы Луны?

— Это... — начала было Махеалани.

— К порядку! — повторил Адмирал, поднимая черную сферу.

— Она унижает достоинство моего капитана, Адмирал! Я не могу смолчать на это лицемерие! — выкрикнул Вага.

Коммодоры внимательно прислушивались к происходящему, тихо переговариваясь друг с другом, и Адмирал повернулся к ним. Кракен с Водоворотом кивнули, и он слегка опустил сферу, Вага победно улыбнулся Махеалани.

— Война с пони – это Традиция, — заявил он. — Ты перевозила общепризнанных врагов нашего народа. Капитан Сулой попросила, чтобы ты передала их ей. Существует ли какая-то малоизвестная Традиция, не позволившая тебе это сделать? — Он повернулся к толпе. — Оказывал ли Флот Цунами помощь врагам нашего народа?

Что-то поднималось внутри Махеалани. Что-то, что, как она считала, утонуло и ушло ко дну. Гнев.

— Враги? Это были жеребята, малодушный ты ублюдок! Она едва не потопила восемь десятков душ, чтобы убить жеребят!

Вага нахмурился, явно не ожидая, что она возразит в ответ.

— Жеребята нашего врага. Мы воюем с ним уже два столетия, если только в течение них кто-то не успел подписать соглашение о прекращении огня. Ты совершала предательство! — топнул он копытом. — Согласно законам Империи, Сулой имела право не только открыть по предателю огонь, но и обязана была так поступить!

— У нас здесь не Империя, и я в последний раз тебе напоминаю, что здесь судят не Махеалани! — резко сказал Коммодор Цунами.

— О! Быть может, именно её и следует судить! — произнёс Вага, указывая прямо копытом на Махеалани. — Закон есть закон, если только наше племя не нарушило нашу присягу Империи! Да её следовало высечь до полусмерти за одну только связь с темными силами, а не просто сместить с должности!

В этот раз все, кто не сидел и не являлся шаманом или Адмиралом, повалились от удара сферы на колени.

— Довольно, Командующий, — предостерег он. — Это суд Атоли, а не Имперский трибунал.

Вага улыбнулся и поклонился одноглазому жеребцу.

— Прошу прощения. Я ошибочно представлял, что Атоли являются частью Империи. Хотя Атоли служили Импер... — Вновь подняв сферу, Адмирал не ударил ею по подлокотнику, но Вага тут же резко осел на пол и схватился за шею, с тревогой выпучив глаза.

— Море исчерпало своё терпение, Командующий. Теперь замолчи, — сказал жеребец, и Вага открыл рот, из которого тут же потоком полилась морская вода. Адмирал опустил сферу, и подопечный Сулой согнулся пополам, кашляя и отхаркивая ледяную воду.

Адмирал повернулся к Коммодору Цунами.

— Вы слышали свидетельские показания. Каков будет ответ Флота Цунами?

— Я с уверенностью могу сказать, что её участие в нашем Флоте не более чем купчая на судно. И как только она появится, я незамедлительно с ней разведусь и отдам морю за её проступок... И не могу придумать для прощания ничего лучше, чем залп из пушек! — из толпы послышалось несколько смешков, но ни один из коммодоров даже

не улыбнулся.— Она не выполняла свои обязательства перед Флотом и не чтит наши Традиции.

Затем он повернулся, снял шляпу и поклонился двум зебрами, сидящим у трона из костей драконов:

— Поэтому я пойму, если Флоты Кракен и Водоворот захотят найти моего заблудшего капитана и отомстить. И готов им помочь, если остальные флоты поддержат это решение.

— Ты можешь заплатить за нашу кровь и корабли, что она захватила! — потребовал Кракен.

Вот и явили истинные мотивы своё уродливое лицо. Деньги. Её муж мог сколько угодно заливать пылками тирадами о помощи племени, но его женитьба на Сулой первым делом была для защиты доходов Флота Цунами.

— Всё награбленное она оставляет себе.

На этих словах коммодоры разразились гневными выкриками, как и большая часть присутствующих зрителей.

— И ты полагаешь, Цунами, что мы в это поверим, алчный ты ублюдок?! — прокричал Кракен.

— Я говорю правду! Всё, что она захватывает, у неё и остается! — возразил Цунами. — Она вкладывает всё в корабль и команду!

Махеалани видела грассбухи, и это было правдой, но не всей. Имея в своём составе Сулой, Флот получил крайне эффективное средство для приумножения своих богатств, и Коммодор до сих пор с радостью дожидался окончательных выплат.

— Она нарушила клятву нашей супружеской связи! Фактически мы уже в разводе!

— Весь это суд затеян лишь для того, чтобы ты мог отвертеться от выплат по счетам, да поглотит тебя море! — проревел Кракен. — По крайней мере прими на себя часть ебучей ответственности за ущерб!

Уголкем глаза Махеалани заметила, как из воды показалась голова кобылки с тусклыми чёрными глазами, и шаманы тут же обеспокоено напряглись, но их напряжение ускользнуло от вновь поднявшего сферу Адмирала.

А затем, прежде, чем он смог её опустить, сверху донёсся голос, пронзивший шум перебранки:

— О, дорогой мой Коммодор, не раскатывай губу. — Все взгляды устремились вверх при виде одетых в коричневую броню летунов со стрекозиными крыльями, несущими платформу, на которой стояла Капитан Сулой, с самодовольной улыбкой своего абсолютного превосходства взиравшая вниз, на собравшихся зебр. — Ведь всем вам известно, что Цунами забирает всё, до чего может дотянуться, — процитировала она девиз флота.

Сфера дважды опустилась на подлокотник трона, пока тишина не наступила вновь.

— Спасибо вам за то, что решили посетить свой собственный суд, Капитан, — сухо произнёс Адмирал. — Появляться было не обязательно.

— О, никогда не стоит недооценивать хорошее появление, — произнесла Сулой, тряхнув гривой, и незамедлительно прыгнула на Коммодора. Прежде, чем жеребец

смог отстраниться, она обхватила его за шею и силой подарила ему очень долгий и громкий поцелуй. — Ох, и всё то, что ты обо мне говорил, дражайший мой муж, — скаясь, восторженно произнесла она, пристально глядя ему в глаза и чуть ли не удушая его. — Это меня убивает. Без шуток.

Прыгнув вперёд, Махеалани с приобретённой на практике сноровкой высвободила своего мужа из объятий брачной сестры.

— Нет! — гаркнула она, вставая между ними. — И ты ещё смеешь называть себя женой?!

— О, да. Он весь такой расстроенный оттого, что я немножечко откладывала деньги, — шмыгая носом, произнесла Сулой, внимательно изучая своё копыто и не обращая при этом внимание на собравшихся. — А, если вам нужны трофеи, то вот и они, — почти скучающим тоном продолжила она.

И вниз начали пикировать другие летуны, каждый из которых сжимал мешки, которые они сбрасывали вокруг кобылы. Золотые и серебряные монеты, патроны, книги, драгоценные камни, кусочки раковин и слоновой кости с искусной резьбой. И даже мешочки с бутылочными крышечками пони и эквестрийские битсы! Всё это образовало кольцо богатства вокруг Сулой. И его размер, несомненно, был не меньше, чем «Ориноко» принёс бы прибыли за целый год торговли. Удачный год.

— Вот вам чутка, чтобы вас порадовать. У меня ещё есть. Намного больше.

— Волны Цунами начинают меня утомлять, — проворчал Адмирал. — Ты прибыла сюда чтобы организовать свою защиту, или чтобы с помощью подкупа выйти сухой из воды? — Последнее являлось освященной веками традицией Атоли. Тем не менее Махеалани даже представить себе не могла, сколько же потребуется заплатить за все преступления Сулой. Однако учитывая размер богатства, которое она с такой небрежностью раскидала вокруг себя, она, быть может, могла себе это позволить. Капитан не ответила, просто улыбаясь Адмиралу, пока он не спросил более настойчиво. — Зачем ты здесь?

Сулой лучезарно улыбнулась суровому Адмиралу.

— А что, неужели это не очевидно? От меня потребовали держать перед тобой ответ, и вот я здесь. Я послушная долгу и верная Атоли, — произнесла она, пристально глядя на сферу, которую держал в копыте Адмирал, затем вновь посмотрела ему в глаза. — Согласно на суд и защиту закона перед исполнением приговора, разумеется. — Она прорысила туда, где Вага уже достаточно восстановился, чтобы сесть, и помогла ему подняться на ноги. — Мой командующий великолепно мне послужил, — произнесла Сулой, и жеребец, пусть и покачиваясь, но глубоко ей поклонился.

— Послушная долгу и верная? Ты? — брызгая слюной, выпалил Цунами, потирая горло.

— Для тех, кто заслуживает мою верность — всегда, — ответила Сулой, улыбаясь настолько безобидно, что было даже трудно представить себе, будто она прячет за этой улыбкой какие-либо дурные намерения. — Но не для тех, кто просто хочет меня использовать.

Её улыбка в один миг исчезла, сменившись несчастным выражением лица.

— Но, судя по всему, мой коммодор больше не желает видеть меня в качестве супруги. О горе мне. Как же мне поступить с самым смертоносным судном, что бороздит морские просторы, и всеми этими деньгами? — надув губы, спросила она, пиная мимоходом в сторону Кракена небольшой золотой слиток, и ненависть жеребца мгновенно сменилась ошарашенным недоверием.

Коммодор Цунами играл желваками, не произнося ни звука, будто бы попав в ловушку. Если он сделает Сулой выговор, то у неё больше не будет ни каких обязательств по выплате ему взносов, и остальные Флоты, видя сокровища, которые она уже выставила на обозрение, порвут его на части за свою долю. Как ни крути, получить возмещение ущерба с боевого корабля было много более трудной задачей. И что ещё хуже, любой другой флот мог принять её под своё покровительство, основываясь на её завуалированном предложении, и все те преимущества, которые она давала Флоту Цунами, обратились бы против него. И каждый из флотов увидел бы в этом трусливую попытку увильнуть от ответственности. Некоторые могли бы даже дерзнуть и выдвинуть последующие претензии, заявляя, что у Флота Цунами имеются неучтённые в бухгалтерских книгах богатства.

А если он выговора ей не сделает, то станет соучастником её преступлений, но при этом получит возможность предложить виру³ из её трофеев. Если она заполучила значительную часть своей добычи от пиратов и работоторговцев, то его флот, возможно, даже получит прибыль после подведения всех итогов. Признать вину и выплатить компенсацию будет, для некоторых, чуть более уважаемым поступком, нежели попытка отречься от неё. Но если Сулой продолжит свои нападения, Флот Цунами, в конечном итоге, зарифит паруса. Суть вопроса была проста: быть съеденным акулой или пираньями.

— Я... признаю, что нахожусь в затруднительном положении, — признался он.

Насквозь мокрая кобылка взобралась на платформу прямо позади Махеалани и, не отряхнувшись, уселась вместо этого там, где стояла, пока вода стекала сплошным потоком с её истощённого тела. И все шаманы в радиусе трёх метров от неё тут же попятились.

— А что насчёт её преступлений? — требовательно спросила Махеалани, получая удивлённые взоры от всех, включая Адмирала, который взглянул на неё, будто впервые увидел, что она стоит на платформе. Сулой поджала губы, а Махеалани тем временем продолжила: — Разве не ради этого мы все здесь собрались? Чтобы осудить её преступления против племени?

— Ох, дорогая моя брачная сестра. Тебе следовало позволить Окамбо себя поглотить. Он был бы намного добрее, — промурлыкала Сулой.

— Махеалани привела отличный довод, — произнёс Адмирал. — Планируешь ли ты опровергнуть или опротестовать какие-либо из приведённых против тебя улики? А ты вообще явилась ли сюда, чтобы защитить себя?

³ Вира (сканд.) – денежная пеня за убийство или увечье, которую взыскивали с преступника.

Закрыв глаза, Сулой широко развела передние ноги.

— Ой? — издевательски произнесла она. — Мне так жаль, что я уничтожила ваши жалкие судёнышки и поселения прежде, чем поняла, кем вы были? Мой промах. — Надув губы, она шлёпнула себя по путовому суставу.

Отсек незамедлительно наполнился гневными выкриками.

— Ты признаёшь, что убивала членов моей семьи! И топила мои корабли! — вскакивая на ноги, прокричал один из коммодоров.

— Мне следует выпотрошить тебя прямо здесь! — произнёс коммодор Барракуда, вытаскивая меч и направляясь к капитану. Мокрая насквозь кобылка встала рядом с Сулой, и возникла вспышка. Шаманов отшвырнуло назад, раскидав как попало, в то время как меч срезало у рукояти. Казалось, что клинок просто исчез, а растянувшегося на палубе коммодора сбило с ног. Кобылка бесхитростно уселась, где стояла, и начала жевать.

А затем горло Махеалани наполнилось ощущением, будто она тонет. Каждый Атоли рано или поздно познавал это чувство. Некоторые из зебр паниковали, размахивая ногами и хватаясь за горло. А Махеалани не отводила взгляд от Сулой, которая, как это ни удивительно, улыбалась.

— Море устало от этого суда, — поднимая сферу, произнёс Адмирал. — Изложи доводы в свою защиту. — Он опустил сферу, и многие непроизвольно закашляли и тяжело задышали, когда ощущение прошло.

Сулой даже не откашлялась.

— Прошу прощения, ваше адмиралокорабеличество, — произнесла она, начав ходить по платформе, её слова магическим образом переносились даже до самых дальних уголков огромного отсека. — А что касается того, действительно ли я нападала на ваше имущество, признаю, что не могу сказать наверняка, делала ли это. Один ржавый, украшенный трупами корабельный остов очень похож на любой другой, когда я заканчиваю с ним. Но должна признать, что, будь я виновной...

Она замолчала, пристально изучая толпу своим высокомерным взглядом, после чего гордо продолжила:

— То не чувствовала бы за это стыда! — Комната потонула в криках, а Сулой прокричала: — Причём ни капли стыда, поскольку это было самое меньшее, чего они заслуживали.

На лбу Адмирала задёргалась жилка, когда он перекатил сферу, которую держал, по подлокотнику трона. И Махеалани задалась вопросом, а не обдумывает ли он возможность утопления всего суда.

— Представителям защиты дозволено будет высказаться, — произнёс он после того, как дважды ударил сферой о подлокотник. После чего добавил, обратившись к Сулой: — Настоятельно прошу тебя не тратить в дальнейшем попусту наше время.

Возмущённые выкрики стихли до наполненного яростью бормотания. Улыбнувшись, Сулой поднялась на дыбы и развела в стороны передние ноги.

— Да, заслуживали! Заслуживали за то, что были слабы! — прокричала она, и её голос прокатился по отсеку, заглушая зазвучавшие несогласные выкрики, не утихшие

даже тогда, когда Адмирал поднял сферу. — И вам всем это известно! — Крутанувшись, она указала копытом на Коммодоров Кракен и Водоворот. — Но насколько бы, по вашему личному мнению, не было серьёзно моё преступление, это ничто по сравнению с преступлениями, которые совершили вы!

— О чем ты говоришь? Какие ещё преступления? — холодно спросил Адмирал.

— Они и все вы, повинны в том, что совершили преступление — стали слабыми из-за разобщённости, — смело произнесла Сулой, тыкая копытом в окружающую её толпу. — Да, разобщённые! Посмотрите на себя. Все посмотрите на себя! Посмотрите на то, что потребовалось, чтобы вы на время забыли о флотах и кораблях, чтобы попасть в самое сердце нашей слабости и позора.

Выкрики немного стихли.

— В былые времена мы были сильны. В былые времена весь мир содрогался от топота наших копыт, и моря всегда принадлежали лишь нам. Но что мы представляем из себя сегодня? Чахлые маленькие флотилии жалких крохотных яликов⁴, борющихся друг с другом за выживание и возможность торговать. Поселения, с трудом зарабатывающие себе на жизнь, будто морские желуды⁵, прицепившиеся к нашим корпусам. В прошлом мы были сильны, не то, что сейчас, — смело, произнесла она, дерзко смотря на толпу, — и мы можем вновь стать такими!

Некоторые из присутствующих продолжали кричать и стучать копытами о металлические мостки и поручни, но теперь их было намного меньше, чем прежде. Остальные же задумчиво хмурили брови, в то время как Сулой гордо стояла на месте. Адмирал потёр переносицу.

— Ты признаёшь свою вину? — прорычал он.

— Какое преступление, согласно Имперским законам, я совершила? Предоставила ли я помощь и поддержку врагу? Вступила ли я в сговор с запретными силами? — требовательно спросила Сулой, и с ухмылкой ткнула копытом в Махеалани. — Её вина намного тяжелее моей. И её свидетельские показания подтв... — Она замолкла, как только Адмирал поднял сферу, из её рта начала сочиться солёная вода. Но, в отличие от Ваги, Сулой не задыхалась или хваталась за горло. Она просто протянула ногу к мокрой насквозь кобылке, которая тут же встала на ноги, сердито смотря на Адмирала.

— Это *не* её здесь судят, и это суд *Атоли*! — пророкотал Адмирал. — Это тебе понятно? — Сулой постояла пару секунд, не двигаясь с места, после чего слегка кивнула, и Адмирал опустил сферу. Вместо того, чтобы кашлять и пытаться проблеваться, она выплюнула воду, буравя жеребца взглядом.

⁴ Ял — лёгкая бескилевая парусная лодка или транцевая гребная, а также гребно-парусная корабельная шлюпка с вальковыми вёслами.

⁵ Морские жёлуи (лат. Balanomorpha) — подотряд усоногих раков из надотряда Thoracica. Взрослые организмы выделяют известковую раковину и ведут неподвижный образ жизни, прикрепляясь к поверхности скал, камней, водных растений и некоторых животных. Скапливаясь на днищах судов, способны значительно снижать скорость хода.

— Если это суд Атоли, он всё равно должен вестись согласно Имперского свода законов. Атоли присягнули на верность Империи, — повернувшись к толпе, возразила Сулой низким, хриплым и серьёзным голосом. — Неужели Атоли отреклись от данных Цезарю клятв? Неужели они отказались от своих обязанностей и обязательств? Неужели Атоли стали клятвопреступниками? И если это так, то с чего это ты зовёшься адмиралом? По какому праву командуешь этой четвертью океана? — Она повернулась к шаманам. — Хорошо ли духи воспринимают эту перемену? Неужели обещания ничего уже не значат? А обеты?

Шаманы переглянулись, но не ответили. Заявление Сулой ошарашило даже Адмирала. Верность мёртвому примарху⁶ была бессмысленна.

— Цезарь мёртв, — пробормотал Адмирал.

— А так ли это? — столь же тихо спросила Сулой. — Ты в этом точно уверен? — Никто не встретился с ней взглядом. — Пусть нового Цезаря и не избрали, но закон есть закон. Живой или мёртвый, он наш Цезарь. Мы связаны собственными клятвами. И мы нарушаем их на свой страх и риск. — И впервые Адмирал, казалось, встревожился.

— Когда-то мы сражались с врагом, который нас победил. — Отсек вновь наполнился криками и воплями, но каким-то образом, её слова поглотили их негодование, словно опустившаяся на подлокотник трона сфера. — Да, победил нас! Вот только не нужно этой отговорки, что пиррова победа всё равно победа. Пони нас победили. И не благодаря своей исключительной силе, или знаниям, или доблести, а благодаря тому, что они были едины! Они не придавали значения расе и объединились, чтобы дать нам отпор. Где эта сила в Атоли? Где эта сила в зебринском народе?

Теперь даже Адмирал казался задумчивым, пока Сулой обращалась к толпе.

— Осудите меня, если так этого желаете, но признайте, что я говорю правду. Мы слабы. Мы ничтожны. Мы на пороге гибели. Лишь объединившись сумеем мы вновь обрести былое величие. — Глубоко вдохнув, она повернулась к собравшимся коммодорам и, самодовольно усмехнувшись, добавила: — К тому же подумайте о том, что вы потеряете, осудив меня. Подумайте о том, что может стать вашим. Подумайте. И примите решение.

Повернувшись, Адмирал посмотрел на собравшихся жеребцов.

— Ваш вердикт?

У каждого из коммодоров имелась чашка, наполненная морской водой. Один из них встал и вылил её на землю. Затем ещё один. И следующий.

Голосование прошло совсем не так, как рассчитывали. Кракен и Водоворот устали на Цунами так, будто уже натачивали свои ножи. При этом другие, те, кто понёс не столь значительные потери, казалось, приняли речь Сулой близко к сердцу и задумчиво кивали.

— Пусть духи запишут: Атоли не вынесли решения осудить Сулой за её действия, — мрачно произнёс Адмирал и сфокусировал взгляд на Цунами, который пялился на

⁶ Примарх (греч.) – полководец, вождь. А не те, о ком все подумали.

Сулой так, будто никогда её прежде не видел. — Желаете ли ты официально разорвать свой союз с этой капитаном, лишаясь тем самым всех прав на её корабль и трофеев?

— Я... не могу, — пробормотал он, и отсек незамедлительно огласился громкими выкриками.

Адмирал говорил так, будто ему было совершенно безразлично, слышал его кто-либо или нет.

— В таком случае это внутреннее дело. Флоты могут требовать с Флота Цунами возмещения убытков. И я утоплю вас всех, если вы не разберётесь с этими исками самостоятельно, — прорычал он и дважды ударил сферой.

— Люблю тебя, муженёк-вымянёк, — взмахнув хвостом, пренебрежительно сказала Сулой, направляясь к мокрой насквозь кобылке. Подойдя к ней, она опустилась на колени и нежно погладила её гриву. А Цунами, в свою очередь, пришлось остаться один на один с дюжиной разгневанных коммодоров, изо всех сил пытаясь при этом не допустить, чтобы они просто растащили то небольшое состояние, которое вывалила на палубу Сулой. Двое коммодоров со слабыми улыбками направились к ней, но резко остановились, когда мокрая насквозь кобылка обратила на них свой взор.

— Зачем ты это делаешь? — потребовала ответа Махеалани, смотря на Сулой и не позволяя мёртвому взгляду кобылки себя отпугнуть.

— Зачем? — спросила Сулой, даже не оборачиваясь. — Сомневаюсь, что ты сумеешь это понять.

— А ты попробуй, — произнесла Махеалани. — Зачем ты устраиваешь весь этот хаос?

Сулой, прищурив глаза, пару секунд хранила молчание.

— Я прочла книгу, — чопорно ответила она. — О пони, как это ни странно, что отважился подвергнуть сомнению предположение, что мир не способен изменяться. Что его нельзя сделать лучше. Что он не достоин того, чтобы его улучшать. — Сулой медленно улыбнулась. — Должна признать, пока я не прочитала эту историю, то сомневалась, что изменения, *настоящие* изменения, возможны как таковые. Но течение *уже* изменяется, и я намерена оседлать его и прокатиться на нём до самого конца, не взирая на то, насколько заблуждающимися могут быть все остальные, — произнесла она, обняв мокрую кобылку.

— Мамочка, я хочу кушать, — прохныкала кобылка.

— Тише... уже весьма скоро, дорогая, — произнесла Сулой, целуя кобылку в ухо, и та слегка улыбнулась, закрывая глаза.

— Мамочка? — удивлённо моргнув, спросила Махеалани. Имея восемь брачных сестёр, было трудно уследить за появлением новых жеребят.

— Ты этого не слышала. Небольшой сюрприз, — отстраняясь, произнесла Сулой. — Это едва ли имеет значение. Честно говоря, ни я, ни он не особо интересовались друг другом. Я использовала Цунами. Цунами использовал меня. Такова жизнь. Он всегда хотел лишь моё судно. А чего хотела лично я? Меня это вообще никогда не заботило. — Вода позади Сулой забурлила, и из глубин моря появилась подводная

лодка, похожая формой корпуса на золотую рыбку. Кобыла повернулась к Адмиралу. — Мы закончили?

— Море смирит свой гнев, — мрачно ответил он, пряча сферу в мундир. — Пока что.

— Миленко. Давай вскоре это повторим. Чао. — Презрительно фыркнув, Сулой, мокрая насквозь кобылка и командующий Вага исчезли в подводной лодке, которая с шипением погрузилась под воду, скрывшись из виду.

Махеалани таращилась на пузыри, пока они не исчезли. А затем заметила, что рядом с ней стоит мрачный Адмирал.

— Она – угроза, — произнёс он, и его голос больше не распространялся над царящим в отсеке гулом. — То, о чём она говорила. О присяге наших предков мёртвому Цезарю. Я считаю, что это безумие, но... — Он не стал продолжать.

Махеалани пристально посмотрела на море. На раскинувшиеся перед ней глубокие, тёмные воды. На протяжении всей своей жизни она ходила под парусами по ним и ныряла в них.

— В одном можно не сомневаться, Адмирал, — сказала она, вглядываясь в солёные глубины. У неё не было корабля. Команды. Её дочери были далеко. Но тем не менее. — Я намерена остановить свою брачную сестру.

Он едва заметно улыбнулся.

— Ну, это ведь *действительно* внутреннее дело.

* * *

— Бабуля, что-то не так, да? — спросил жеребчик Арион, когда старая зебра уселась у кромки воды своего маленького острова; лишившийся листьев старый дуб возвышался позади них.

— Почему ты так говоришь, дитя? — даже не взглянув на жеребчика, спросила она, пристально изучая взглядом зеркальную глядь воды перед собой. — Сегодня чудесный день. Солнце сияет. Птицы поют. Чего ещё ты хочешь попросить? — В большей степени это было гудение насекомых, нежели пение птиц, но тем не менее.

— Что-то чувствуется неправильным. Что-то плохо, — произнёс жеребчик, подходя к кромке воды. — Такое ощущение... будто идёшь себе и наступаешь на землю, которая может оказаться пливуном⁷.

Устало улыбнувшись, она потянулась и, притянув Ариона к себе, заключила его в объятия.

— Дитя, как бы мне сейчас хотелось, чтобы я могла навеки оставить тебя у себя. Год-два, и ты будешь видеть лишь проблемы, и упустишь чудесный день. — Она оглядела безмятежный пейзаж. — Да, дитя. Что-то очень не так в нашем доме.

— Но что это такое? Что ты знаешь, Бабуля? — спросил Арион, кладя копыто на плечо старой зебры, чтобы встать и заглянуть ей в глаза. — С тех самых пор, как пришла та пони, ты сама не своя.

⁷ Пливун – насыщенный водой рыхлый грунт, способный течь под действием собственной массы или небольших нагрузок.

— Это из-за того, что она сказала, дитя. Ослепление Ока Мира. Это объясняет ту огромную неправильность, которую я чувствую, но если это правда, то я боюсь за нас всех, — потянувшись, произнесла Бабуля, зачерпывая пригоршню воды, в которой можно было разглядеть крошечных извивающихся личинок. — Мы видим болото, дитя. Мы видим деревья, и воду, и жуков. Мы слышим птиц и чувствуем жару и влажность. Как ты думаешь, дитя, а видит ли болото нас?

Арион моргнул.

— Ну... я не знаю, Бабуля. Я знаю, что животные видят. И лягушки, и змеи, и птицы, и всякие подобные им.

— Да, дитя, но как же само болото? Деревья? Вода? Воздух? Видят ли они нас? Слышат ли? — Она осторожно позволила воде стечь обратно в озеро, наблюдая, как распространяется рябь.

— ...Возможно? — произнёс жеребчик, уклоняясь от прямого ответа. — Духи нас видят. Но что касается болота — я не знаю.

— М-м-м. А я знаю, дитя. Оно нас видит, и слышит, и узнаёт. Что мы делаем и что говорим. Болоту наплевать на то, что мы Орах, а нам нет дела до того, что это болото. Мы живём и не мешаем жить другим. Мы уважаем друг друга, и если у кого-то из нас есть недостатки, ну, что ж, значит, и остальные не идеальны. — Она покачала головой. — Но если болото не сможет нас видеть, то узнает ли оно нас? Поймёт ли, что мы делаем? Что мы чувствуем? Почему живём так, как живём? — Она вновь покачала головой, на этот раз медленней. — Я боюсь, дитя. Боюсь, что, быть может, та кобылка-пони говорила правду.

— Но почему, Бабуля? — сморщившись, обеспокоенно спросил Арион.

Взглянув на него, она улыбнулась и наклонилась, чтобы поцеловать его в лоб.

— Не волнуйся об этом, дитя. Почему бы тебе не пойти и не попытаться поймать себе квакушку? Может получиться неплохой обед.

Зная, что его прогоняют, Арион, нахмурившись, пошел прочь, оглядываясь на Бабулю. Будем надеяться, что он забыл об этом или простил её. У неё имелись кое-какие обязательства, которые она не могла переложить на столь юную спину. Застонав, старая зебра поднялась на ноги и направилась к лесу, кольцом окружавшему её дом.

— Тэрон, — позвала она.

Лес зашелестел, и из зарослей вышел бурый от болотной воды не-мёртвый жеребец.

— Не проводишь ли старую кобылу? — спросила Бабуля, и он кивнул.

Они, бок о бок, пошли вперед, и болото двигалось вместе с ними. Деревья любезно изгибались в стороны, спутанные заросли крапивы разглаживались, а колючие кусты отступали, позволяя двум путникам без каких-либо трудностей идти дальше. Плывуны были не столь подвижны под их копытами, а кувшинки держались на плаву чуть дольше. Аллигаторы и прочие звери наблюдали за ними, и некоторые из них ползли, крались или скользили неподалеку, сопровождая. Болото уважало её, ведь она уважала болото.

Но болото уважали далеко не все. Достигнув места назначения, старая зебра взмахнула копытом. Молчаливое согласие было получено, и заросли отступили, туман и дымка поредели, а вечно движущиеся торфяные острова отдрейфовали в стороны, являя взору озеро с баржами, аккуратно расположившимися в своих решетчатых настилах и окруженными проржавевшими остовами судов. Сокрытое сокровище, о котором не знают чужаки, ждущее лишь того, чтобы его забрали.

Но это был не единственный секрет, сокрытый в их доме. Старая зебра повела ногой в сторону, и болото сбросило с себя наваждение, являя другие тёмные, громадные машины, которые здесь были совсем не к месту. Некоторые проржавели насквозь. Некоторые сохранились в целости и сохранности.

А некоторые были откровенно смертоносными.

— Орах, — пробормотала пристально смотрящая на них Бабуля, опуская ногу. Деревья и кусты быстро вернулись обратно на свои места, а от воды поднялся туман, чтобы сокрыть их. Усевшись на землю, старая зебра прижала к груди копыто. Это её утомило, но Арион был ещё слишком юн. Ей нужно продержаться ещё немного, прежде чем она сможет успокоиться в водах болота.

А затем что-то достигло её ушей – вопль кобылы, столь слабый и далёкий, что, не попроси она болото явить свои тайны, то, скорее всего, не расслышала бы его. Это был не вопль жертвы, проигравшей в противостоянии с хищником, но вопль зебры. И не такой вопль, которому место на болоте. Это не было ни воем потери, ни отчаянным рыком выживания. Нет.

Это был вопль зебры, взывающей о милосердии. Нет, *зебр*.

Бабуля взглянула на Тэрона, и он тут же преклонил колени, позволяя старой зебре взобраться себе на спину. И болото вновь помогало им в пути. Деревья и растения образовывали настолько прямой путь, что им могли бы гордиться Прополи. Они направлялись на всё усиливающиеся вопли кобыл и жеребцов. И, двигаясь по болоту быстрее, чем мог бы представить себе любой из зебр, достигли источника этих воплей.

Вокруг костра собрались несколько зебр: пятеро из её деревни и пятеро с полосками Карнилия. Трое мёртвых жеребцов-карнилия с простреленными головами служили явным свидетельством меткости охотников, в то время как выживших, окровавленных и связанных, насиловали жеребцы и кобылы Орах. Охотникам потребовалось не больше мгновенья, чтобы увидеть старую кобылу и огромного зомби. Раскрыв от удивления рты и выпучив глаза, они попытались что-то невнятно пробормотать в ответ.

Но этой возможности они так и не получили.

— Помогите им, — произнесла Бабуля, и больше ей ничего не потребовалось делать. Тэрон бросился вперёд, в то время как охотники неуклюже пытались высвободиться из своих жертв. Из окружающих кустов изверглись шершни, с безошибочной точностью налетевшие на насиловавших карнилианцев жеребцов и кобыл, и их жала впивались в самые чувствительные участки тел зебр. Трава обвила их копыта, и тропинки, ведущие на поляну и с неё, внезапно густо поросли крапивой и колючими кустами. Не прошло и

тридцати секунд, а пятеро охотников были повалены наземь. Они лежали не шевелясь, свернувшись калачиком, в то время как вокруг них рыскал зомби.

Бабуля подошла к ближайшему карнилии – юному жеребцу.

— Приношу свои извинения, дитя, — произнесла она, видя отметины от кобыльих копыт у него на горле. Вполне возможно, это была та самая кобыла, которая изнасиловала копытом его зад.

— Мы просто хотели добраться до какого-нибудь безопасного места, — дрожа, прохныкал он.

— Разумеется, дитя, — ответила старая зебра. — Этого хочет любой. Теперь ты в безопасности. — Она повернулась к трём жеребцам и двум кобылам. Она привела в этот мир каждого из них и теперь задавалась вопросом, придётся ли ей увести их из него. — Вы посмели? Вы осмелились делать такое в нашем доме? Нашем доме?

— Они пробрались в наше болото! — рявкнула Бабуле одна из кобыл. — Им не следовало быть настолько глупыми!

— Ваше болото?! Тупое дитя, с чего это ты считаешь, будто это болото ваше, или моё, или чьё-либо ещё?! Болото остаётся болотом, и любой приходящий сюда приходит, а уходящий отсюда уходит! — произнесла старая зебра, сердито смотря на охотников. — Торф и болотные огни, затем вы станете говорить как Прополи, проводя межи и заявляя, что «эта заводь моя и будь проклят каждый, кто рыбачил в ней до этого»!

Она помогла пострадавшим подняться на ноги, прося ближайшие ивы немного унять их боль. Не многие увидели бы крохотные частички духовной энергии, пролетевшие к пережившим нападение.

— Успокойся, дитя. Всё будет в порядке.

— А вот и нет! Они Карнилия! Они уйдут к своему племени! — гаркнул один из напавших на карнилианцев Орах.

— Мы не можем вернуться! Мы голодаем. Лишились домов. Мы теперь орах, — прохныкала одна из карнилианок.

— Если вы орах, то с Орах вы и останетесь, дитя, — заверила её Бабуля. — Мы всегда принимаем тех, кто другим не нужен. Мы найдём для вас место.

— О, да неужели? — прокричал жеребец из-за кромки леса.

Покрытые шипами кусты были с проклятьями отодвинуты в сторону, и на поляну вышел Кайрос, за которым последовали ещё дюжина зебр, по большей части охотников, но среди них находились и несколько жителей посёлка. Замыкающая шествие Диана присоединилась к Бабуле, в то время как остальные одиннадцать образовали полукруг вокруг пяти беженцев-карнилия.

— Это не тебе решать, Бабуля, — заявил он, оглядывая карнилианцев.

— А этого и не нужно решать! — возразила Бабуля. — Всё будет так, как должно быть! Орах всегда принимают тех, кто в нас нуждается. Все мы Орах, и от полосок наших это не зависит.

— О, ты думаешь, что они Орах? — насмешливо произнёс Кайрос, пристально смотря на пятерых беженцев. — А я считаю, что они кое-кто другие. — Он наклонился к кобыле. — Шпионы! — прорычал он и плюнул ей в лицо.

Ринувшись вперёд, зомби вклинился между кобылой и предводителем Орах.

— Шпионы? Что ты такое несёшь, Кайрос? — требовательно спросила Диана, подходя к съевшейся кобыле. — Зачем Рисовой Реке или кому-то из племени Карнилия шпионить за нами?

— Потому что у нас нет того, чего они не хотят, — прошипел Кайрос. — Осока. — Он ткнул копытом в сторону пятерых карнилианцев. — И за этот месяц они не первые, кто приходит сюда, умоляя о помощи. Сначала пятеро. Затем десять. Затем двадцать. Совсем скоро тут станет вдсятеро больше карнилианских трахопоней, чем Орах, и они осушат болото, распахают поля и прикажут нам убираться!

— Мы такого не делали! Мы бы так не поступили! — умоляюще произнёс обесчещенный жеребец. — Мы просто хотели найти какое-нибудь место, где было бы безопасно!

— Они не первые? — выпалила Бабуля. — Что случилось с первыми? Кайрос, что ты сделал?

— Это, — произнёс он, топнув копытом, и половина охотников одним плавным движением вытащила свои винтовки. Орах были лучшими зебрами-стрелками в мире, и меньше чем за вздох они выстрелили с превосходной точностью. Пули поразили головы, грудные клетки и глотки.

— Убийца! Детоубийца! — прокричала Бабуля, и Тэрон ринулся в атаку, но убийца был к этому готов. Трое зебр встретили атаку не-мёртвого. И сколь бы сильным не было сохранившееся тело умертвия, но эти трое отбросили его назад прежде, чем он сумел размазать Кайроса по земле. На не-мёртвого навалилось ещё больше охотников, избивая до тех пор, пока не лопнули запечатывающие его губы швы.

И прямо у Бабули на глазах изо рта умертвия вылетела крохотная белая пылинка, превратившаяся в маленькую, светящуюся зебринскую голову, которая, казалось, беспомощно обозрела происходящее, прежде чем исчезнуть в белой дымке. Труп содрогнулся и упал, замерев неподвижно.

— Ты... ты убийца! — выпалила Диана, встав между Бабулей и Кайросом.

Бабуля отодвинула её в сторону, чтобы встать лицом к лицу с толпой. Она видела, как исчезают сгустки убитых Карнилия... но когда они ушли, то оставили что-то после себя. Оно висело в воздухе, как ядовитый дым, и впитывалось в почву будто нефть. Ненависть.

Не многие духи понимали ненависть в большей степени, чем клетка в её организме могла понять яд. Лишь то, что это было плохо и неправильно. Болото не испытывало ненависти. Радигатор ел не из ненависти, а потому, что был голоден. Плывун не испытывал какой-либо злобы, засасывал в себя кого-либо, как и комар, когда он распространял заразу. Они просто делали то, чем являлись. И она видела, как повсюду вокруг неё духи иссыхают, твердеют, скручиваются и чернеют. Они вопили, как зебры, когда их насиловали. Та ненависть была противным ветром по сравнению с этим.

И Бабуле потребовалась вся её сила, чтобы не упасть лицом вниз, когда она почувствовала внутри себя эту порчу. Не стоит и сомневаться, изнасилование было плохой вещью, но ничто не запечатывало ненависть настолько прочно, как убийство. Лишь годы жестокости могли сравниться по духовной токсичности с одним преднамеренным, хладнокровным убийством. Это был наихудший вид яда, но она считала, что здесь, в болоте, этого просто не может случиться. Ведь они были Орах.

— Дитя. Несчастное, глупое, полное ненависти дитя, — пробормотала Бабуля, жалея Кайроса.

— Возвращайся на свой остров, Бабуля. Оставь болото мне, — фыркнув, произнёс он, когда они развернулись и направились прочь; несколько охотников сердито взглянули на Бабулю. Они не могли видеть тусклую, черную порчу, которую оставляли на листьях, мимо которых проходили.

Бабуля с Дианой подошли к лежащему ничком телу Тэрона. Могучее умертвие являлось теперь не более чем быстро гниющим мясом.

— Ох, Тэрон. Несчастное дитя. Несчастные мы все, — произнесла старая зебра, поглаживая его тусклую гриву.

— Что теперь будет, Бабуля? — спросила Диана.

Старая зебра наблюдала за тем, как проникает и распространяется чёрная порча, иссушая и поражая духов болезнью. А без них это место станет просто застоялой водой и зверьём. Его душа будет утрачена, а вместе с ней и Орах.

Они действительно станут орах, в полном смысле этого слова.

— Ничего хорошего, дитя. Ничего хорошего, — ответила Бабуля.

* * *

— Это не хорошо, — обращаясь к сидящему в кабинете Чернобогу, пробормотал Вега, пристально вглядываясь в книгу бухгалтерского учёта на своём столе. Пока существуют бухгалтерские книги, существует и цивилизация. Без них будут лишь неопределённость и догадки. — Наши доходы снизились на три процента по сравнению с прошлым месяцем и на два по сравнению с позапрошлым. И на двадцать процентов за прошедшие полгода.

— Затишья у нас случалась и прежде, — придвинувшись сзади к Веге, произнёс Чернобог.

— Разумеется, но их я понимал, — ответил Вега, указывая копытом на цифры. — Репрессивные меры. Заминки с перевозками. Вмешательство мегазаклинаний. Причины и следствия были достаточно ясны. — Он, нахмурившись, посмотрел на листы сквозь очки для чтения на носу. — Мы несём убытки по всем пунктам, но ничего не поменялось. Ни один из Старейшин не взывает нас искоренить. Никаких крупных убытков ни в одном из отделов, указывающих на то, что кто-то стал жаднее, чем обычно. Это относится ко всей системе в целом.

— Местные? — пробормотал Чернобог. — Укажи мне цель, и я доставлю им неприятности.

Покачивая головой, Вега поднял несколько писем от других ячеек Синдиката.

— Если читать между строк, то на востоке и юге то же самое. Этого, разумеется, никто не хочет признавать. Да и мы тоже. Но тем не менее... — Он постучал копытом по бумагам. — Это раздражает.

Поднявшись на ноги, расположившийся позади Веги Чернобог обнял его и поцеловал в ухо.

— Ты вычислишь причину. У тебя это всегда получалось.

Несмотря на своё беспокойство, Вега улыбнулся.

— Я более обеспокоен тем, что здесь не прослеживается явной причины. Всё всегда крутится вокруг выгоды, даже если это торговые махинации рейдеров ради получения патронов. — Он, смотря куда-то в даль, постучал копытом по бумагам. — Если только имеется ещё немного рейдеров... немного контрабандистов... немного... всего. — Вздохнув, Вега потёр лицо. — Я бы убил за достоверную перепись. Нет. Как минимум за три достоверных переписи. Мне нужно начертить график чего-нибудь.

— Ох уж эти Логос со своими цифрами, — пробормотал Чернобог, целуя шею Веги. — Карнилия стараются изо всех сил, чтобы вновь заселить мир. Скоро будет очередное празднество жизни. Нам следует его посетить.

Он, разумеется, шутил. Зебра-гомосексуалист был лишь немногим более желанным гостем на карнилианских оргиях, нежели гуль. О, разумеется, если бы он мог сделать вид, что любит кобыл в достаточной мере, чтобы зачать жеребят, то они могли бы проигнорировать такие мелочи, как, например, его настоящие сексуальные предпочтения, и некоторые наркотики, используемые ими для «стимулирования» размножения, почти могли заставить его почувствовать себя «гетеросексуалом». Почти, если бы он притворялся достаточно сильно.

Но он бы предпочёл, чтобы его сторонились.

— Прирост населения недостаточно велик, — произнёс Вега, указывая на числа, показывающие количество покидающих город поездов. Синдикат всегда внимательно следил за всем, что ввозилось в город, или покидало его пределы. — Вот уже последние двенадцать месяцев количество переселенцев-карнилия падает. Это происходит медленно. Это идёт равномерно. Это вызывает беспокойство. — Многие из этих зебр становились «крепостными работниками», пополняющими численность легионов, поселений и рабских лагерей по всей Пустоши. — Я бы убил за достоверные официальные записи о рождаемости. Всё это – построение предположений!

— Записи о рождаемости. Переписи. А есть ли ещё что-то, ради чего ты совершил бы убийство? — пробормотал Чернобог.

— Фундуковый кофе. Он закончился у нас ещё месяц назад. — А ведь раньше такого ни разу не случалось.

— Хм-м, — пробормотал Чернобог. — Это воистину ужасно. От Пифии была какая-нибудь польза?

— Она не дала нам совершить несколько роковых ошибок. Видение о том сходе поезда с рельс, позволившее его предотвратить, было полезным. Его потеря покончила бы с нами. — Вега указал на бухгалтерские книги. — И, несмотря на её помощь, происходит всё это. — Вега не очень-то любил признавать, что предсказания кобылки

были полезны. Он старался не действовать, основываясь на них, а просто использовал их, чтобы перепроверить свои собственные алгоритмы и решения. Сняв очки, Вега откинулся назад, прижимаясь затылком к груди Старкаттери. — Нам придётся с этим что-то сделать.

Наклонившись, Чернобог крепко поцеловал Вега, и тот вернул поцелуй. От этого ощущения уголки его губ приподнялись в улыбке.

— Просто скажи, кого проклясть, — произнёс Старкаттери, когда их поцелуй завершился.

— Не такое «что-то»... наверное, — внёс поправку Вега. Он понятия не имел, можно ли использовать порченных духов с пользой, но случались и более странные вещи. — Но мы не можем продолжать вести дела как обычно. Дефицит всё усиливается, и обстоятельства складываются против нас.

— Значит, мы нарушим правила. Именно этим мы и занимаемся. Именно этим мы всегда и занимались.

Замурчав, Вега качнул головой и соскользнул с кресла, чтобы посмотреть в лицо жеребцу в капюшоне.

— Нужно вычислить, какие правила нарушать и когда. — Как те правила, запрещавшие бухгалтеру-логосу давать приют обездоленному, умирающему с голода жеребцу-старкаттери, которого он выходил, постепенно осознавая, насколько же оба они были мучительно одиноки.

Голова Веги продолжила опускаться всё ниже, и когда его губы нашли то, что он искал, Чернобог выдохнул:

— Мне нравится нарушать эти правила. — Хоть Вега и не мог ответить, но он улыбнулся, делая то, что не мог понять ни один из его собратьев-логовов. Как мог жеребец, любой жеребец, заменить собой числа, правила и логические доказательства?

Как бы ни были хороши правила, но некоторые вещи были намного лучше.

Раздалось юное покашливание, и, открыв глаза, Вега заметил Пифию, с отчасти раздраженным видом наблюдавшую за происходящим. Кобылка подняла лист бумаги.

— В следующем месяце Карнико намерено предложить меньше гербицида. Возможно, хотят сделать запас, — произнесла она, положив лист на стол.

— Спасибо. Что-нибудь ещё? — спросил Вега, позволив помехе во рту, мешавшей ему говорить, с чпоканьем выскользнуть наружу. И в случае любого ответа, отличного от «нет», события начнут разворачиваться не очень приятно.

— Неа, — разворачиваясь, ответила кобылка, и зашагала к ведущей наружу рампе, а затем прежде, чем он смог продолжить, резко крутанулась. — Мне вот просто интересно, как ты считаешь, могли бы вы повесить на дверную ручку носок, или табличку, или включить свет, или ещё чего такое? «Красный свет – идёт минет. Крепко подумай, прервать или нет»? Ну хоть что-нибудь? Возможно?

Чернобог надавил на затылок Веги прежде, чем тот смог ответить.

— Пифия. Выйди, — пророкотал он.

— Ладно. Не нужно таблички для такого, — сказала кобылка, прорысав наружу.

Разум Веги хотел остановиться, схватить новые сведения, сверить их с его собственными источниками и откорректировать прогнозы. Быть хорошим, дотошным Логосом...

Его возлюбленный жеребец помог ему отставить всё это в сторону и сконцентрироваться на простом качании головой и прелестях откачивания жидкости.

* * *

Терпение. Эквус ждал, страдая в тишине. И тот, кто прождал в этой пустоте достаточно долго, мог услышать её стоны. Смотрящий не сводил темных глаз с омута в центре пещеры, сидя в крошечном мраке. Он сидел и ждал. Терпение. Она снова начнет двигаться. Должна. Обязана.

Терпение. Терпение. Эквус ждал. Сколько уже прошло? Что есть время? Что есть космос? Терпение. Мир подождёт. Съесть сушеных ягод. Глотнуть из калембаса⁸. Почувствовать песок. Услышать стоны мира. Ждать. Ждать... Терпение... Терпение...

* * *

Стараниями Карнилия секс для Маджины умер. Кобылка, даже не проявляя особого интереса к этой теме, после шестимесячного пребывания в Рисовой Реке узнала о сексе всё, вдоволь его насмотрелась и успела отвергнуть множество предложений. И ничто так не убивает интерес к плотским утехам, как вид голодающей семьи из четырнадцати голов. Хотя дело было даже не в этом. Везде, куда бы она ни посмотрела, Карнилия обсуждали секс, шутили о сексе и занимались сексом. Словно это никогда им не надоедало.

Маджина могла бы присоединиться к всеобщей вакханалии. Блин, да Карнилия буквально настаивали, чтобы она сошлась с жеребчиком её возраста и «втянулась в процесс». Потому что жеребёнок стал бы для неё «благословением». Попав в семью Осаны, Маджина занималась в основном тем, что помогала в готовке, уборке и прочих работах по хозяйству. Оба родителя зарабатывали на жизнь, но муж Осаны, в отличие от неё, не был Продитьером и, работая машинистом, частенько надолго отлучался из дома. Маджина однажды застала его занимающимся сексом с четырьмя другими кобылами, но Осана лишь пожала плечами и ответила, что до тех пор, пока ей не нужно растить его отпрысков, ей плевать.

Словно это был сущий пустяк.

И сейчас, направляясь к клинике Галена, кобылка больше всего желала снова очутиться в Хуффе, в родной Капелле. Может, Рисовая Река и была в миллиард раз больше крошечной деревушки, зато последнюю не населяли отчаявшиеся озлобленные зебры, пытающиеся удержать своё общество от развала и жаждущие от жизни лишь непрерывного секса! Тонкие треугольные полоски на теле Маджины, может, и выдавали в ней Зенкори, но это лишь ещё больше выделяло её из толпы. Осана повязала розовый бант у основания хвоста кобылки, который, по идее, должен был показать окружающим, что она «не доступна».

⁸ Сосуды; выделялись индейцами из древесной тыквы-горлянки.

На деле же он, похоже, лишь разжигал в противоположном поле желание развязать его.

На крыльце клиники Галена сидела Прелесть, и Маджина не смогла сдержать улыбки при виде дракокобылки, играющей с десятью монетами.

— Одна... Две... Три... — увлечённо пересчитывала Прелесть, складывая монеты друг на друга. — Пять и пять, — произнесла она, разделив стопку на две равные половинки, а затем наклонилась и пристально уставилась на них, словно сравнивая их высоту. — Три раза по три и... — Дракокобылка замолчала и хмуро осмотрела получившиеся стопки. — Мне нужно ещё две монеты.

— Так вот как это работает? — с улыбкой произнесла Маджина, подходя ближе. — Ты могла бы просто избавиться от одной.

— Ага, если бы двинулась умом, — парировала Прелесть, пыхнув из ноздрей зелёным дымом. И тут заметила корзинку, балансирующую на спине у Маджины. — О-о! Это обед? Дай-дай-дай! — затараторила она, протягивая к корзине когти.

— Тут не только для тебя! — остудила её пыл Маджина, но спустила корзинку на землю и вынула из неё прочный стеклянный контейнер с рисом, копчёной рыбой и сдобной булочкой, который передала Прелести. Дракокобылка тут же запихнула себе в рот половину его содержимого и начала яростно и с видимым удовольствием пережёвывать. Маджина достала крошечную солонку. — Соль? — чопорно предложила она.

Сглотнув, Прелесть взяла предложенную солонку и высыпала приличное количество соли себе на язык, после чего запихнула в рот остатки еды. Дракокобылка была единственной из знакомых Маджины, кто мог умять полную порцию за считанные секунды. Проглотив остатки еды, Прелесть встретила глазами с Маджиной.

— Чего нос повесила?

— Мне здесь не нравится. Скорей бы уже отправиться дальше, — ответила кобылка, оглядывая площадь. — Я устала от угольной пыли и похотливых взглядов.

— Да уж, — усмехнулась Прелесть. — Никогда бы не подумала, что предпочту болото этому месту. В болоте, по крайней мере, не нужно ни за что платить. Есть что-то ненормальное в том, чтобы давать кому-то красивую золотую монету, а затем ожидать, что он добровольно с ней расстанется. — Она сгребла в когти все свои монеты, приговаривая: — Mamochka никогда и никому вас не отдаст! — и принялась покрывать их нежными поцелуями.

— Тьфу, — фыркнула Маджина. — Не произноси при мне слова «mamochka», — кисло добавила она. Прямо сейчас в поле её зрения находилось не меньше трёх беременных кобыл. — А ты разве не должна быть на работе?

— А я работаю, — ответила Прелесть, приосанившись. — Держу в узде всякое отребье. — Она помахала лапой компании из полдюжины жеребцов и кобыл, наблюдающих за входной дверью со скамейки на противоположной стороне улицы.

— Э-эй! Привет, отбросы! — завопила дракокобылка, заставив тех насупиться ещё сильнее. — Если они подходят слишком близко, я убеждаю их прекратить

праздношатание. Провожая клиентов до дома и всё такое. В общем, в основном хожу туда-сюда, рычу и время от времени покусываю задницы. Ну, ты знаешь. Обычные дела.

Маджина вздрогнула, обхватив себя копытами.

— Я бы не смогла заниматься таким.

— Это уж точно, — согласилась Прелесть, пихнув Маджину локтем в бок. — Ты у нас милая и добрая. А я — кусачая и злобная. Представляешь, если бы я попыталась стать добрее, а ты — задиристее? Ничего бы не вышло.

— М-м-м, — задумчиво произнесла Маджина, опуская взгляд. — Мне нужно отнести остальное наверх, — спохватилась она, кивнув на корзину.

— Почему бы тебе не взвалить это на меня? Сэкономишь время, — с ухмылкой предложила Прелесть.

— Откуда мне знать, что ты не съешь это всё сама? — недоверчиво парировала Маджина.

— Потому что в этом случае Осана и Алета устроят мне головомойку, — ответила дракокобылка, закатывая глаза. — Алета, хоть и была тише воды ниже травы, когда мы её повстречали, превращается в настоящую мегеру, стоит мне оставить доктора без обеда. — Имитируя вышеупомянутую кобылу, дракокобылка продолжила писклявым голосом:

— Как можешь ты объедать жеребца, который столько для нас делает? У тебя вообще совесть есть? Бу-бу-бу-бу-бу-бу. — Она фыркнула. — Для кобылы, которой противно то, что он делает, она становится весьма раздражительной, когда ловит меня уминающей его обед.

Маджина не испытывала ни малейшего желания снова лицезреть угнетающую обстановку клиники Галена, поэтому передала корзинку с обедами дракокобылке.

— Держи.

— Превосходно, — прошипела Прелесть, потирая когти. Затем заметила укоряющий взгляд Маджины. — То есть Док Гален ведь ждёт свой обед, да? — Дракокобылка обхватила корзинку хвостом, бросила внутрь свои монеты и направилась ко входу в клинику. Но у самой двери задержалась, оглянувшись на Маджину через плечо. — С тобой всё будет в порядке? — спросила она с хмурым видом.

— Всё будет нормально, — ответила зебра с вымученной улыбкой. — Лучше отнеси ему обед, пока тот не остыл.

— Точняк! Увидимся, — бросила на прощание Прелесть и скрылась внутри здания, оставив Маджину одну. Кобылка развернулась и медленно побрела обратно к дому Осаны, не отрывая взгляда от потрескавшегося тротуара под ногами.

За прошедшие месяцы привлекательность Рисовой Реки весьма поблекла. Карнилия, когда им было нужно, могли вести себя довольно мило, и город с таким количеством жителей казался настоящим чудом. Но Маджина успела устать от толпы. Город стал для неё одним гигантским ульем, непрерывный гул которого то стихал до робкого шёпота, то оглушал жутким рёвом, но никогда и не думал затыкаться. Иногда

её подмывало просто закричать на него, чтобы заставить замолкнуть, но, само собой, она ни разу на это не решилась.

— Все мы персонажи наших собственных историй, — тихо произнесла Маджина, повторяя слова, которые неоднократно слышала от своей матери. — Но что за роль досталась мне?

Пара копыт с силой ударила её в бок, и Маджина, прокатившись кубарем по тротуару, вылетела на дорогу.

— Ты из тех идиоток, что разговаривают сами с собой и не смотрят, куда идут! — насмешливо произнёс кобылий голос.

Подняв голову, Маджина увидела табун карнилианцев, молодых жеребцов и кобыл, среди которых, как ей показалось, она узнала несколько зебр из тех «отбросов», что ошивались возле клиники. Пошарив в сумке, она достала свою духовую трубку и вскочила на ноги, стремясь оказаться лицом к лицу с кобылой, но вместо этого уткнулась в жеребца, который снова сильно толкнул её. Их было слишком много! Маджина закружилась на месте, пытаясь определить самую опасную цель и обеспечить себе немного безопасного пространства. Нужно ли ей пытаться воспользоваться своей трубкой, учитывая количество нападавших? А что если те решат, что дротики отравлены?

— Что вам нужно? — спросила она, продолжая кружить в кольце противников, которое сжималось всё сильнее.

— Ты дружишь с той уродливой тварью. Которая работает в том отвратительном месте, — ответил жеребец, отвешивая ей очередную оплеуху. Маджина отлетела к другому жеребцу, который крепко обхватил её ногой за шею. — Мы хотим передать послание, — продолжил первый, отводя копыто назад.

— Что за послание? — жалобно спросила она, глядя на жеребца широко раскрытыми глазами.

Ответом ей стал удар прямо промеж глаз. Потом в ухо. В нос. В челюсть. А затем Маджина почувствовала, как кто-то схватил её за круп, развязывая бант, и завопила в ужасе.

— И что это вы тут устроили? — прогрехотал новый, напоминающий звук надвигающегося оползня, голос, прерывая избиение кобылки, обессилено повисшей в захвате жеребца. Голос из тех, что ты скорее ощущаешь кожей, чем слышишь ушами. Маджине, которая чувствовала, как сочится кровь из десны на месте выбитого зуба, хотелось упасть на землю и сжаться в плотный непробиваемый шар.

— Тебя это не касается, жирдяй! — выкрикнула одна из кобыл. — Возвращайся внутрь!

— Даже так? — переспросил низкий голос. — Её тоже не касаются ваши разборки с доктором. Проваливайте.

— Ты не смеешь указывать нам, что делать! — возразил один из жеребцов. Тем не менее хватка на шее Маджины ослабла, и она тяжело осела на землю.

— Да ну? — проскрежетал голос со звуком перемалываемых в дробилке камней.

— Твои дни сочтены! Вот увидишь! Вы все увидите!

Вся банда дружно развернулась и бросилась наутёк.

— Придурки... — пробормотал жеребец... самый крупный жеребец из всех, что Маджина встречала в своей жизни. За его массивной фигурой с лёгкостью могли бы спрятаться две, а то и три зебры. Жеребец стоял в широком дверном проёме какого-то то ли магазина, то ли офиса, витрину и вывеску которого угольная пыль покрывала столь густым слоем, что Маджина не могла разобрать написанное там. Грива жеребца была коротко острижена под «ёжик», а хвост туго стягивала лента. Но дольше всего взгляд Маджины задержался на его полосках. Широких треугольных полосках, клиньями спускающихся с его спины. Однажды она уже встречала кое-кого с похожим рисунком на боках: это была Рампейдж – подруга Блекджек. Жеребец смотрел на Маджину сверху вниз своими тёмными сланцевидными глазами.

— Ну и? — прогрохотал он.

Что «ну и»?

— Спасибо, — ответила Маджина, вспомнив о хороших манерах. Жеребец сдвинул брови. — Я в порядке, — добавила она, желая сейчас лишь как можно скорее добраться до дома Осаны и никогда больше не выходить оттуда. Жеребец продолжал хмуро изучать кобылку своим тяжёлым взглядом.

— Что? — внезапно сорвалась она. — Я поблагодарила вас, и со мной всё в порядке. Что ещё вам... — Она всхлипнула, глядя на своего таинственного спасителя. — ... что вам... — Маджина почувствовала, как по её израненному лицу покатились слёзы, и, опустив голову, позорно разревелась.

— Заходи. — Жеребец шагнул внутрь магазина, освобождая проход. — Они всё ещё наблюдают. Не дай им насладиться видом твоих слёз.

Даже не задумываясь, что она делает, Маджина шагнула внутрь запылённого магазина.

Внутри шум города был практически не слышен, заглушаемый звуком льющейся на камни воды. Лишь спустя несколько мгновений, разглядев в полутьме штанги и тренажёры, Маджина поняла, что оказалась в спортзале. Центр помещения занимал огромный боксёрский ринг. В дальнем углу, рядом с дверью, ведущей, как предположила Маджина, в кабинет управляющего, располагалась странная водяная конструкция: водопад, стекающий по камням в небольшой бассейн. Его окружал ряд свечных огарков, на трёх из которых теплилось пламя, освещая два глифа, начертанных на стене. Один из них означал «Сила». А второй – «Безмятежность».

— Жди здесь, — произнёс жеребец, и поскольку он не уточнил, где именно, Маджина решила усесться рядом с крошечным водопадом. Она никак не могла унять слёзы, которые копились в ней бесчисленные недели, проведённые в этом жутком месте. Из кабинета раздавался шум возни и топот, а Маджина просто сидела, разглядывая глифы на стене. Будучи Зенкори, она не могла отказать себе в удовольствии поразмышлять об их значении. Слева направо, они означали – сила ведёт к безмятежности, а справа налево – безмятежность истекает из силы. Хотя у неё в голове не укладывалось, как такое возможно.

Жеребец вернулся с пыльным пузырьком, который поставил рядом с кобылкой.

— Вот. Лучше принять это как можно быстрее и починить тот зуб.

Маджина кивнула. Помощь от очередного незнакомца. Опять. А что произойдёт, когда полезные незнакомцы перестанут попадаться на её пути?

Она погибнет, или случится ещё чего похуже... совсем как с остальными членами её семьи.

Обрюзгший жеребец не задержался возле неё. Он отправился к ближайшему тренажёру, который, казалось, весь состоял из штанг и тросов, уселся на него со скрипом и начал натягивать тросы на шкивы. Маджина взглянула на пузырьрёк.

— Извините, — всхлипнула она и подняла склянку, зажав её между копыт.

Жеребец тихо хмыкнул себе под нос. Кобылка вздохнула, выдернула пробку из пузырька и опрокинула в себя его содержимое. И тут же почувствовала, как сдвинулись её зубы, когда встал на место их утерянный собрат. Маджина поставила опустевшую тару на пол.

— Вы – Ачу, — произнесла она.

Тот снова хмыкнул в ответ.

— Я встречала другую Ачу в землях пони, — продолжила Маджина, глядя на текущую воду. — Ну, она была не совсем Ачу. Скорее даже, больше похожа на пони, но она сражалась, как Ачу. — Ответа не последовало. — В этом предназначение вашего племени, да? Сражаться? — Очередное ехидное фырканье, хотя, возможно, этот звук издал трос, который жеребец сжимал в своих зубах.

Маджина поднялась на ноги.

— Простите, что отняла ваше время, — сказала она и направилась к дверям.

— Прицепи этот груз, — произнёс жеребец.

— Что? — переспросила кобылка, а затем увидела, что тот указывает на прямоугольную металлическую плиту чёрного цвета, лежавшую вне пределов его досягаемости. Одно из копыт жеребца оборачивал туго натянутый трос.

— Толкай его ко мне и цепляй сюда, — повторил он, продемонстрировав ей свободно свисающий конец троса.

Маджина замешкалась на мгновение, но всё же направилась к лежащему блоку. Наклонившись над ним, она попыталась поднять его копытами, но не сумела даже оторвать от земли. Тогда она упёрлась в него копытами сбоку и попробовала толкать, но блок не сдвинулся с места.

— Я не могу, — признала она своё поражение.

— Ага. Значит, вот кто ты есть, — прогрохотал жеребец. Маджина непонимающе уставилась на него, и тот пояснил: — Размазня. Та, кого всем приходится спасать. Беспомощная. Уязвимая. Та, кто всегда сдаётся первой. Обуза. — Кобылка слегка съёжилась под его взглядом. — Ты ведь Зенкори. Каждый из вас играет свою роль, не так ли? Так вот, ты – барышня кисейная.

От этой мысли у Маджины перехватило дыхание.

— Я не хочу ею быть.

— Тогда прицепи этот блок вот сюда, — отрезал жеребец и помахал у неё перед носом концом троса.

Маджина посмотрела на него, потом перевела взгляд на жеребца и, наконец, уставилась на неподъёмный блок. Того не волновали её слёзы. Ему не было дела до того, насколько она растеряна и несчастна. Он просто лежал перед ней.

И заставить его шевелиться можно было единственным способом — сдвинуть собственными копытами.

Кобылка опустила на живот, уперлась в блок задними ногами, а передними ухватила раму ближайшего тренажёра. Ей не так уж и далеко нужно сдвинуть груз. На метр от силы. Так что, она собралась с силами и начала толкать, чувствуя, как задрожали от напряжения ноги.

И тут блок сдвинулся под её копытами. Маджина ахнула, бросив на него взгляд через плечо, а затем напряглась и толкнула снова. А потом ещё раз. Вскоре увеличившееся расстояние уже не позволяло ей упираться передними ногами в соседний тренажёр, так что кобылке пришлось зарыться копытами в старый ковёр, чтобы удержать их от проскальзывания. Ещё один толчок! Её ноги затряслись, а мышцы напряглись до предела... но блок всё же сдвинулся. Маджина аккуратно прицепила его к тросу, и жеребец ослабил хватку. Тросы с блоками тут же пришли в движение, возвращаясь на свои места и приподнимая прицепленный кобылкой груз, который завис в нескольких сантиметрах над полом.

Жеребец кивнул ей, а затем начал работать с педалями и штангами, проверяя работу кабелей с блоками. Маджина же продолжала зачарованно смотреть на груз, который раскачивался перед её глазами.

— Я не хочу быть кисейной барышней, — повторила она, обращаясь к грузному жеребцу. Тот хмыкнул в ответ, поднимаясь на ноги. — Вы можете научить меня сражаться и быть сильной?

— Нет, — ответил жеребец. — Моя жизнь устраивает меня такой, какая она есть, — ворчливо добавил он.

— Я могу заплатить!

— Ты говоришь совсем как Карнилия. — В его голосе послышались нотки раздражения. — В тебе либо есть сила, либо её нет. Никакие упражнения не помогут слабой зебре стать сильной. Я могу сделать сильной лишь сильную зебру.

— Но... — У неё уже начинал плавиться мозг. — Тогда для чего всё это? — Этот Ачу, должно быть, худший управляющий спортзалом в истории!

— Поддерживать форму. Качать мышцы. — Он пожал плечами. — Но ничто из этого не делает слабую зебру сильнее, чем она есть. Хотя помогает оплачивать счета.

Помогает плохо, предположила Маджина, учитывая, насколько пустынным было это место. Кобылка поднялась на ноги, с отчаянием глядя на жеребца.

— Я не хочу быть слабой, — громко заявила она.

Тот не удостоил её ответом.

Маджина развернулась и побежала к двери, но та внезапно с грохотом распахнулась. В помещение начали вваливаться Карнилия, и Маджина поспешно бросилась назад, спрятавшись за массивной фигурой Ачу, взиравшего на вновь

прибывших с отрешённым выражением на лице. Спортзал заполнила толпа из дюжины жеребцов Карнилия.

— Гэнг! — проревел зычный кобылий голос откуда-то сзади. — Покажись, скотина!

Взгляд, которым тот ответил собравшимся у подножия его тренажёра, был достаточно красноречив.

Пронзительный голос принадлежал тучной кобыле с отвислыми боками. Её лицо закрывала раскрашенная деревянная маска, которую обрамляли стебли риса, похожие на растрёпанную гриву.

— Шаман Дезидерия, — прогрохотал жеребец в ответ. — Месячный абонемент обойдётся вам в десять талонов.

— Я здесь не для того, чтобы пользоваться услугами твоего грязного заведения, — ответила та, ткнув в его сторону копытом. — Что это за угрозы в адрес детей Карнилия? Моих детей?! — Она кивнула на жеребчика рядом с собой, в котором Маджина узнала того, кто бил её по лицу.

Гэнг расправил плечи.

— Я никому не угрожал, — ответил он.

Толстая кобыла вся надулась от возмущения.

— Ты называешь моего сына лжецом?

— Нет. Он просто ошибся, — прогрохотал Гэнг.

— Ошибся? — прошипела кобыла, сверкнув зубами через ротовую щель в маске.

— Он ошибочно принял эту кобылку за кого-то настолько опасного, что ему пришлось заручиться помощью одиннадцати друзей, чтобы разукрасить ей лицо, — ответил жеребец. — Он перепутал численное превосходство со смелостью. И с силой. — Гэнг пристально посмотрел на жеребчика. — Слабак всегда остаётся слабаком.

Достав веер из рисовой бумаги, шаман рывком раскрыла его и принялась яростно себя обмахивать. Но внезапно вперёд протиснулся низкорослый жеребец с забавными закрученными на концах усиками на лице.

— Шаман Дезидерия! Как замечательно снова встретиться с вами! Замечательно! Всегда замечательно! Не правда ли, замечательно?

— Старейшина Максимилиан, — практически в унисон произнесли Дезидерия с Гэнгом, причём настолько схожим тоном, что Маджина не смогла сдержать улыбки.

— Так замечательно, что мы все здесь собрались. Очень замечательно. Хотя, нужно признать, что на дворе стоит такой замечательный день, что просто грешно тратить его, сидя в четырёх стенах, согласны, парни? — Он многозначительно поиграл бровями. — Думаю, у кобыл из пекарни Розы скоро заканчивается рабочий день. Разве не здорово будет заставить их кончить после того, как они закончат? А? А? — Сладострастно улыбаясь, он пихнул локтем в бок жеребца, стоявшего рядом.

Губы Дезидерии под маской изогнулись в презрительной усмешке.

— Какой же вы никчёмный, Максимилиан. Эта скотина запугивает наших родных, опять и опять, а вы продолжаете терпеть его присутствие.

Максимилиан недоуменно выпучил глаза.

— Запугивает? Гэнг? Запугивает? — Он вытер вспотевший лоб. — Вы, должно быть, ошиблись, дорогая Дэзидерия! Гэнг никогда не стал бы угрожать кому-либо. Не так ли, Гэнг?

— Я никому не угрожал, — прогрохотал тот.

— Вот как? — ехидно произнесла шаманка, со стуком складывая веер. — Что ж, тогда не сочти за угрозу и это. Твои дни сочтены.

Маджина шагнула из-за огромного жеребца и с негодованием уставилась на старую кобылу.

— Вы это серьёзно? Нет, правда? Вы считаете, что насилие и распри помогут решить все проблемы Рисовой Реки?

Гэнг перевёл свой мрачный взгляд на кобылку, осмелившуюся выступить против целой толпы.

— Ты имеешь наглость говорить со мной?! — возмущённо выпалила Дезидерия.

— А здесь есть другие идиоты, грозящие Ачу расправой? — резко ответила Маджина, с досады явно ляпнув лишнего. — Я понимаю, что в вашем городе полно проблем, но повторение кровавых ошибок прошлого ничуть не поможет их решению! А лишь подтолкнёт нас всех к гибели!

Эти слова заставили задумчиво нахмуриться некоторых зебр из свиты Дэзидерии. Но сама шаманка лишь пренебрежительно хмыкнула и произнесла, чеканя слова:

— Ты и все прочие чужаки — паразиты нашего племени и нашей общины, и мы избавимся от вас, так или иначе. — Она пристально посмотрела в глаза Маджины. — Я тебя запомню.

Злобный тон её голоса, напоминавший шипение змеи в траве, заставил Маджину судорожно сглотнуть, и она быстро юркнула обратно за Гэнга. Под воздействием эмоций кобылка явно наговорила больше, чем следовало. Гэнг ничего не ответил. Он просто подался чуть вперёд, и Маджина внезапно представила его себе огромной горой камней, грозящей обрушиться на головы Карнилия. Некоторые из зебр тут же сделали шаг назад, обмениваясь встревоженными взглядами.

— Ох, она имела в виду совсем другое. У неё это просто вырвалось! Но она уже уходит, правда, Дэзидерия? Шаманские обязанности не ждут! — Максимилиан натужно рассмеялся. — Принимать роды. Освящать семена. Уверен, твой график очень-очень-очень плотный!

Кобыла сплюнула на пол перед собой.

— Уходим, — произнесла она, разворачиваясь и направляясь к выходу. Жеребцы в два ряда последовали за ней, оставляя в зале лишь Максимилиана. Худощавый жеребец быстро выглянул за дверь и, убедившись, что они действительно ушли, заметно расслабился.

— Спасибо, Гэнг, что не попытался её убить, — произнёс он.

— Она слаба, — фыркнул тот в ответ. — Мало чести, славы или мудрости в такой победе.

Очевидно, это был совсем не тот ответ, какой хотел услышать Максимилиан.

— Дэзидерия доводит до колик половину Совета старейшин, и она ещё не самая худшая. — Жеребец снял с макушки парик и вытер им пот со лба. А затем заметил Маджину. — О! Привет! Ты... — Он на мгновение задумался, указывая на неё копытом, но затем сдался. — Прости. Я не занимаюсь генеалогией.

— Меня зовут Маджина. Мы прибыли в город лишь пару месяцев назад, — ответила кобылка, выступая вперёд.

— О. Понятно. В таком случае, добро пожаловать. — Он водрузил парик обратно на макушку, поправил его, а затем зачесал назад на манер ирокеза. — У нас тут не так уж много Зенкори. Рад познакомиться, Мерджина. — Он повернулся к Гэнгу. — Новая ученица?

Маджина открыла было рот для ответа, но могучий жеребец опередил её.

— Да. — Гэнг пристально посмотрел на кобылку. — Она не хочет быть слабой. Слабых зебр и так хватает в этом мире. Посмотрим, чего она стоит.

Максимилиан на мгновение поджал губы.

— Что ж, полагаю, это здорово. Пожалуйста, оберегай её от неприятностей и держись от них подальше сам. Хорошо? — попросил он, переводя взгляд с Маджины на Гэнга и обратно. — Учитывая идиотов вроде Дэзидерии, которые думают, что все проблемы можно решить изгнанием некарнилианцев, Карнико, снизивший выпуск гербицида, Синдикат, бездумно сорящий деньгами на подкуп старейшин, легионы, шастающие вдоль наших границ, Галена, отказывающегося переносить магазин на другой берег реки, послов Прополи, сующих всюду свои носы, и прочее, и прочее, последнее, что мне нужно — предотвращать стычки с нашим соседом Ачу, — скороговоркой произнёс Максимилиан и тяжело задышал, переводя взгляд с одного на другого. — Так что, прошу... умоляю вас обоих... держаться подальше от неприятностей.

— Было бы проще держать неприятности подальше от нас, — глухим басом ответил Гэнг, и несчастный жеребец, казалось, уже готов был разрыдаться. Здоровяк фыркнул. — Но я не буду лезть на рожон.

Маджина согласно кивнула.

Максимилиан моментально расслабился, почесав живот.

— Замечательно. Замечательно. Всё просто замечательно. Гэнг. Маджажина. — Он опустил голову и, повернувшись, направился к выходу, громко бормоча себе под нос: — Один пожар потушен. Осталось ещё пятнадцать. Теперь нужно уговорить Юсимио, чтобы он...

Огромный жеребец взял тряпку и вытер плевок на полу.

— Кто это был? — спросила его Маджина.

— Старейшина Максимилиан Фрискистрайп, давший жизнь ста сорока девяти жеребят и взваливший на себя неблагодарную задачу по удержанию Рисовой Реки на плаву.

— Сто сорок девять. И когда он время находил? — пробормотала Маджина.

Гэнг выбросил тряпку в мусорное ведро.

— Изношенная верёвка не очень прочна, но вязать можно и ею. Максимилиан связывает воедино множество вещей. Он держит в узде зебр вроде Старейшины Дэзидерии.

— Она правда могла вышвырнуть нас отсюда?

Гэнг мрачно посмотрел на дверь.

— Будь её воля, нас бы изгнали, Карнико захватили, а весь восточный берег сравняли с землёй, — прогрохотал он. — Стекло может выглядеть прочным, но оно опасно хрупкое. Если бы Дэзидерия правила Рисовой Рекой, то город уже был бы захвачен легионом, либо разрушен до основания в пылу сражений.

Маджине не хотелось даже представлять такое.

— Так... — Она подошла к жеребцу. — Я... ваша ученица, да?

Гэнг фыркнул, косясь на неё одним глазом.

— Ты слабая. Но если не хочешь быть слабой, можешь стать моей ученицей. — Он фыркнул ещё раз. — Принеси мне завтра рисовый шарик. Это плата за твоё обучение.

Маджина попятилась от него.

— Я... я так и сделаю. Спасибо, — произнесла она, улыбаясь впервые за несколько недель. Удостоверившись, что за дверью её не поджидают злобные зебры, она бросилась бегом к дому Осаны.

— Эгегей, — радостно закричала она. — У меня появился наставник, который будет меня тренировать и сделает сильнее, и я перестану, наконец, быть кисейной барышней! — Она вдруг замолчала и с тревогой посмотрела назад. — Надеюсь, он не умирает.

* * *

Тишина. Безмятежность. Темнота. Покой. Тихие вздохи во тьме. Ожидание. Терпеливое ожидание. Прежде она уже двигалась. И снова это сделает. Только если не... нет. Не думай об этом. Она была осквернена. Проклята. Она должна продолжать путь. Ждать. Тишина. Спокойствие. Терпение...

* * *

«Виски Экспресс», которым правила широко улыбающаяся, вцепившаяся в руль Прелесть, с пыхтением пара двигался по дороге. Прижимая одной ногой к голове потрёпанную шляпу, Гален крепко вцепился другой в борт прицепа, будто это могло каким-то образом помочь паровому трактору следовать верным курсом.

— Я обычно не беру вызовы на дом! — прокричал он смотрящей на дорогу, перегнувшейся через борт, Алетте. Та окинула его одним из тех непонятных взглядов и не ответила. — Всё будет в порядке, — попытался успокоить её Гален.

Разумеется, он понятия не имел, будет ли всё так на самом деле, но это были такие слова, которые следует говорить, чтобы успокоить других. Дальше по дороге виднелись поднимающиеся к небу от разбросанных по траве тёмных бугров клубы дыма и пара. И Гален мог лишь надеяться, что этот фермерский дом не был среди их источников. Повозка замедлилась, когда очертания предметов стали более понятными, и он почувствовал легкое облегчение при виде того, что здание по-прежнему стояло.

Затем в вышине промелькнули тёмные тени, и рядом с трактором появились двое грифонов в чёрной боевой броне, один из которых провёл когтем поперёк горла и указал вниз. Прелесть с изумлённым видом повернулась к двум зебрам в прицепе.

— Мне кажется, они хотят, чтобы ты остановилась! Мы всё равно уже на месте! — прокричал дракокобылке Гален. Нахмурившись, Прелесть потянула за рычаги, и «Виски Экспресс» испустил струю пара, за которой последовал скрежет, когда она дернула тормоз. Трактор подпрыгнул и содрогнулся, замедляясь прямо перед покрытым грязью участком земли сбоку от дороги, на котором и стоял дом фермеров.

Поперёк дороги протянулась бойня. Как минимум полудюжина разбитых остовов чадили и шипели, горя в вытоптанной и вырванной траве. Вокруг них стояли зебры в чёрной броне, в то время как техники носились с полными вёдрами воды от фермерского колодца до машин, которые ещё можно было спасти. Паровые танки, будто железные дома, извергали пар и дым. Остальные зебры ухаживали в чистом поле вокруг дома за ранеными. И один флаг с четырьмя гордыми зебринскими глифами, идущими вертикально: железные, защитники, покровители, гордости. Железный Легион.

А штандарты их противников лежали в грязи или рядом со сваленными в кучи трупами. Пять глифов выстроившихся в форме алмаза: кровь, рождённая из чести, в силе, платит преданностью, через жертву. Кровавый Легион. И кто-то забрызгал их в знак отречения чёрной краской.

— От дерьмо. Я не видела ничего подобного со времён той большой заварушки в Хуффе, — уставившись на десятки убитых и раненных, произнесла Прелесть. По большей части это были грифоны, но Гален заметил там минотавра, сфинкса и кентавра.

— В самом деле? Для легионов это самые обычные выходные дни, — произнёс доктор, когда грифоны приземлились. — Приветствую! Гален. Житель Рисовой Реки. Мы здесь, чтобы повидаться с её семьёй. Они проживают прямо вон там, — указал он копытом на фермерский дом.

— Нам нужно изъять это транспортное средство и ваши услуги на всё то время пока идёт война, — рявкнул один из грифонов. — Возражения будут?

— А вот и будут, я возражаю! — гаркнула дракокобылка, и двое грифонов нацелили на неё своё оружие.

— Прелесть, позволь мне самому всё уладить, — произнёс Гален, выбираясь из прицепа, едва при этом не споткнувшись и чуть было не упав лицом в грязь. — Может ли моя подруга увидеться со своей семьёй? Она никуда не убежит, — указал он на Алетту.

Переглянувшись, грифоны и утвердительно кивнули, и Алетта незамедлительно помчалась к дому.

— Итак, продолжим. Я бы с радостью предложил свою помощь славному стальному Легиону, но, быть может, я мог бы обсудить мелкие детали с вашим легатом или командиром. Или кто у вас здесь главный? — Грифоны вновь переглянулись и опять кивнули.

— Хорошо, сюда, — сказал один из них, и они повели Галена с Прелестью в сторону двух огромных трейлеров, которые тянул массивный трактор. Изнутри второго прицепа доносились вопли. Судя по выстроившимся в его тени раненым, там находилась операционная. И Гален удостоверился, что Прелесть крепко держит его саквояж.

— Это ещё что за херня такая? — спросила Прелесть, изумлённо таращась на происходящее. — Они что, рейдеры? — Один из грифонов неодобрительно взглянул на неё.

Члены "Железного Легиона" помечали свои лица клеймом, нанесённым раскалённым I-образным штампом, который дважды прижимался ко лбу зебр или бёдрам грифонов, чтобы получался крест. В полях рядом с полем боя, где трава не была временно примята гусеницами, находились команды зебр, которые занимались тем, что бросали голых, истекающих кровью соплеменников в колосящуюся осоку и хлестали их лица собранными в пучки стеблями. И учитывая то, насколько активно они это делали, на пленниках не оставалось ни клочка кожи.

— Рейдеры? — безразлично рассмеялся Гален. — О, нет. Нет. Полудюжина убийц? Нет. Они – Легион. Две... три тысячи бойцов, которые доблестно сражаются за будущее Империи, я ведь прав? — живо произнёс он, слегка успокаивая грифона. В стороне примерно дюжина бойцов занималась тем, что насилывала нескольких пленников, чьи лица были помечены красной краской. А пара грифонов разделявали рядом с костром полевой кухни погибших зебр. Нет... вовсе не рейдеры.

В первом прицепе было душно. Два крошечных окна пропускали свет и воздух, а юный жеребчик-карнилия обмахивал веером крупную, потную кобылу с широкими, горизонтальными полосками племени Роамани. Надетая на неё униформа была вся залатанной и украшенной самодельными латунными эполетами и большими медалями. А на стенах висели несколько карт.

— Полковник. Мы реквизируем этого гражданского и его паровой трактор, мэм. Он подал прошение поговорить с вами лично.

— Благодарю вас, лейтенант, — вытерев лоб, произнесла она, и жеребчик продолжил обмахивать её веером. Когда Прелесть с Галеном вошли внутрь, она удостоила их усталым сердитым взглядом. — Полковник Адольфа. Изложите своё дело покороче. — Адольфа была не самой красивой кобылой, шрамы покрывали её лицо и шею, но, по крайней мере, она не улыбалась.

— Благодарю вас, Полковник. Я житель Рисовой Реки – Гален, — произнёс он, вытаскивая хорошо сохранившуюся бумагу с цветным изображением жеребца, сделанным ещё десять лет назад, до того, как он стал продитьером, подтверждающую его личность. — И согласно соглашению между Железным Легионом и советом старейшин, я и мои спутники освобождаемся от воинского призыва, проводимого без подтверждения от совета. — И они бы его с радостью выдали, если бы на получение чего-либо от старейшин не уходили многие дни. Разумеется, это соглашение было не крепче рисовой бумаги. Гален вытащил вторую бумагу. — Помимо этого у меня имеется рекомендательное письмо от Веги – об Обмене – который и является

владельцем нашего транспортного средства. Если вы нуждаетесь в тракторе, то я всецело это понимаю, но в будущем он потребует за него компенсацию.

Ох, до чего же Гален был счастлив, что ещё давным-давно выучил всё это наизусть.

Полковник Адольфа окинула взглядом обе бумаги и уныло уставилась на обоих посетителей.

— Ладно. Ты однозначно не какой-нибудь затрапезный сорняковый фермер, которого мы можем просто рекрутировать. Итак, Гален, что тебе здесь понадобилось?

— Семья моей подруги живёт на шрамовой ферме. Надеюсь, они не нанесли вреда, — расторопно заявил он.

— "Кровавый Легион" позволял себе вольности внутри, когда мы догнали их на последних остатках пара, — произнесла она, махнув ногой. — Я бы их рекрутировала, но нам нет никакой пользы от истощённого пушечного мяса, и они стали бы в лагере причиной беспорядков. — Её суровые серые глаза отлично сочетались с горячим металлом вокруг неё. — Чем ты можешь быть мне полезен, Гален.

— У меня есть кое-какая не слишком значительная медицинская подготовка. И если вы дадите своё разрешение, то могу помочь вашим докторам. Затем мне хотелось бы навестить семью своей подруги. — Пристально посмотрев на него в течение секунды, полковник кивнула.

Несмотря на свою внешнюю атрибутику, легионеры не были рейдерами. Они были во многих отношениях лучше и при этом хуже этих убийц. Рейдеров можно было понять и спрогнозировать их действия. Легионеры же могли быть как весёлыми и щедрыми в течение первой недели, так и рассерженными убийцами, которые расчлняют тебя потому, что потерпели пару поражений в битвах, на следующей. Иногда они отзывались на лесть. Иногда на взятку. Иногда на угрозы. Но когда бы ты ни вёл с ними дела, тебе приходилось быть осторожным... не из-за того, что они могли тебя убить. А потому, что это могли сделать сотни их друзей. С танками.

Гален проскользнул в анатомический театр. Пользовавшийся раненных жеребец просто вытаскивал из них осколки как можно быстрее, пытаясь влить исцеляющее зелье прежде, чем они умрут от кровопотери. Он всего лишь взглянул на Галена и продолжил заниматься своим делом. Инструменты лежали в наполненной крепким спиртным миске, и Гален предположил, что это здесь считается «стерилизацией».

— Ты собираешься помочь этим перцам? — спросила Прелесть, с обеспокоенным видом наблюдавшая за происходящим сквозь дверной проём.

— Ну разумеется, — ответил Гален. Ему, конечно же, придётся быть со своей помощью осторожным. Если он будет слишком хорош, то никогда отсюда не уйдёт. А если слишком плох, то они убьют его, как убили Кровавиков. У Прелести с Алеттой не имелось защищающих их бумаг, так что ему придётся соблюдать осторожность.

— Ты хочешь... — начала было дракокобылка, поднимая его саквояж, и Гален тут же покачал головой.

— Имеющихся инструментов будет достаточно, — указал он на миску. Менди обучили его всевозможнейшим уловкам, как не дать пациенту чувствовать боль пока его оперируют. Показали способы вновь собрать плоть воедино, чтобы исцеляющее

зелье подействовало намного эффективней, когда он его выпьет. Магическое исцеление было мощным и дорогим, но и оно не было абсолютно надёжным. Сломанная нога могла «исцелиться», оставшись навеки искалеченной. Кусочек шрапнели мог взрезать органы спустя месяцы или годы после того, как зелье запечатало его в теле. Без должных медицинских знаний даже самое сильное исцеляющее зелье могло подействовать как придётся. Именно поэтому и были нужны врачи.

Это было ближе к работе на скотобойне, нежели хирургии. Из анестезии лишь пара глотков виски. Его наставница испытала бы стыд за своего ученика и ужаснулась бы происходящему, но доктор, спасающий жизни при помощи мучительной хирургии, был никому не нужен. К счастью, двое потеряли сознание, пока он извлекал из них зазубренные кусочки металла, принохиваясь к кишкам и желчи, способным подсказать, где находилась шрапнель. Эти две жизни он, несомненно, спас. Они пойдут, и вновь будут убивать... и... Гален протяжно вздохнул. Возможно, и не будут. Ведь именно это был рефрен⁹ врачей, не так ли? «Возможно»?

Он надеялся на это. Один из них лишь совсем недавно вышел из жеребьячества. А другой *был* жеребёнком.

— Ну вот и всё, — произнёс второй врач, выдавая зелье своему пациенту и вытаскивая его наружу, чтобы он пришел в себя. Внутренности трейлера смердели кровью, которая свёртывалась на полу и стенах; несколько потёков было даже на потолке. — Рекрут?

— Волонтёр. Я врач Синдиката, — решительно произнёс Гален. Легионы получали припасы через Синдикат. Это было много более эффективной мерой от рекрутирования, нежели соглашение с бессильными старейшинами Рисовой Реки.

— Хех, а ты быстро работаешь. Не позволяешь воплям себя отвлечь. Повезло, что они потеряли сознание. Тебе следует волонтёрствовать больше. Нам нужны хорошие врачи. Нам нужно всё.

— Да вы и так, судя по всему, отлично справляетесь, — произнёс Гален, высунувшись наружу, чтобы взглянуть на фермерский дом. — Вы хорошо отделали этих ублюдков из Кровавого. — Будь на месте Галена его наставница, то она бы пошла и проверила заодно израненных бойцов проигравшей стороны.

— Судя по всему? Это была наша первая большая победа за последние полгода. Обычно, это именно нас отделивают, — произнёс врач-легионер. — Рисовой Реке нужно посылать нам больше рекрутов. Мы сражаемся за вашу свободу и процветание. Кровавики сровняют ваш город с землёй. Именно мы будущее народа зебр.

Галену не достало мужества, чтобы сказать ему, что за прошедшие годы он слышал подобное, почти слово в слово, от представителей четырёх различных легионов. Все они сражались за такие вещи, как свобода, процветание и лучшее будущее. Они всегда были «хорошим» легионом. И, несмотря на это, они безжалостно убивали и насиловали.

⁹ Рефрен – в музыке главная тема, определённый музыкальный материал, неоднократно возвращающийся на протяжении произведения.

Говорите о рейдерах что хотите, но они, по крайней мере, никогда не лицемерили.

— Прости. Как я уже говорил, Синдикат. Даже если бы и захотел, то не смог бы, — выглянув наружу, произнёс Гален, посмотрев туда, где приходили в себя раненые. — Надеюсь, они выкарабкаются. В прошлый раз я оставил внутри одного из моих пациентов подкову. Мне было так неловко! — хихикнул он, почёсывая затылок. Врач легиона не выглядел убеждённым, поэтому Гален выскользнул из трейлера до того, как тот смог бы ответить. Если полковник передумает, то эта ситуация станет трудноразрешимой.

— Ну и бардак, — услышал он бормотание Прелести, пристально смотрящей на побоище, когда проходил мимо неё. Легионеры пытались потушить и починить танки. Будь здесь Скотч Тейп, они бы никогда её не отпустили. Солдаты были легкозаменяемы. Врачи ценны. А хороший инженер? Он бесценен.

Рыся к дому, Гален со всей очевидностью понял, что Кровавики использовали его для тренировки в стрельбе. Весь фасад был размочален и испещрён дырами. Танки редко использовали осколочно-фугасные снаряды. Вместо этого они набивали ствол любым металлом, какой только могли найти, и выстреливали его мощным выбросом пара. К счастью, кто-то и когда-то удвоил толщину стены, обращённой к дороге и участку перед домом, облицевав её клееной фанерой и кусками бетона. И тем не менее Гален всё равно видел дыры, сквозь которые мог заглянуть внутрь.

Услышав доносящийся из-за дома разговор, жеребец обошел дом и увидел вытоптанный огород. Одна из сторон, или же обе, хорошенько по нему потоптались. Преднамеренно? Случайно? А имело ли это значение? Плоды были расколоты, растения растоптаны, стебли поломаны, а грядки разрыты. Злоба? Голод? И это тоже не имело значения.

Алетта сидела вместе с покрытым шрамами, гордым главой семьи и тремя его женами. Они тут же удостоили его взглядом: "как смеет он быть Продитьером?". И это выражение на их лицах, будто бы куча навоза каким-то магическим образом ожила, приняв форму зебры из их племени... Гален, как обычно, проигнорировал. Они занимались тем, что готовили в горшке исцеляющий отвар. Лечебные зелья были первым, что училась готовить каждая зебра. Рядом лежали фиолетовые корни и цветы, и пустое ведро, грязное от фиолетовой жижи первой партии. А те, кто могли, пытались выпрямить растения и исправить нанесённый огороду ущерб. Это казалось тщетным делом, но, с другой стороны, он уютно оброс тщетностью.

Существовал ряд карнилианских приветствий, которые он мог сказать: Пусть ваш сад всегда будет изобильным. Пусть ваш табун неизменно прирастает. Жизнь хороша и крепка. Но вместо этого, Гален поприветствовал патриарха семейства в традиции Менди.

— Я здесь, чтобы помочь.

У главы семьи остался лишь один глаз и не было ушей, а его морда и ноги оканчивались покрытыми шрамами буграми. И тем не менее он пристально посмотрел на Галена. Перед ним находился зебра, которого он мог ударить, и Гален ожидал, что именно так и произойдёт.

— Ты привёз к нам мою дочь. Ты унял злость Железного легиона. Ты очень помог. Спасибо, — произнёс патриарх с ненужной, неожиданной вежливостью. Некоторые из его жен с этим явно не согласились. Бока двух кобыл были заметно округлыми, выдавая беременность. У одной срок был уже достаточно большим. И обе они смотрели на Галена так, будто ожидали, что он набросится на них и вырвет из лона их нерождённых жеребят. — Если ты сможешь помочь нам ещё больше, то мы будем очень благодарны.

Большинство травм были достаточно простыми, но Гален помогал вычищать и перевязывать раны, прилагая всё своё мастерство. Вне всяких сомнений, эти зебры принимали так много исцеляющего зелья, чтобы разбираться с осокой, что им требовалась его помощь. Для травм от изнасилований он мог предложить лишь промывание ран, добрую улыбку и пустое заверение, что с ними всё будет в порядке. Самая старшая из кобыл, срок беременности которой был наибольшим, не позволила Галену даже осмотреть себя.

— Гален, — произнесла Алетта, когда он зашил порез на ухе кобылки, которая, хвала духам, сбежала от Кровавиков. — У матери кровотечение. — Гален посмотрел на беременную кобылу, из-под хвоста которой текла по внутренней стороне бёдер светлая кровь. — Она уже дважды выпила исцеляющее зелье.

Поднявшись на ноги, Гален подошел к кобыле.

— Нет! Пожалуйста, не позволяй ему ко мне прикасаться! Он заберёт моего жеребёнка! — прокричала она, повернувшись к мужу. Это было бы комично, если бы в её голосе не слышалось ужаса.

— Мама! Позволь ему тебе помочь! Пожалуйста! — потребовала Алетта.

— Любимая, он врач, — произнёс покрытый шрамами жеребец.

— Он Продитьер! Он обрывает жизнь! Прерывает её ещё до того, как она делает хотя бы вдох! — произнесла она, спрятавшись за мужем. — Не позволяй ему смотреть на меня! Он убьёт наше дитя, я это чувствую.

Гален посмотрел в испуганные глаза паникующей кобылы.

— Мать, — как можно более мягко и уверенно произнёс он. — Я спасу твоё дитя. Клянусь.

— Но... — прошептала кобыла, её глаза были наполнены жутким страхом и отчаянной надеждой. — Ты ведь красный.

— Я спасу твоё дитя, — повторил Гален. А если это ему не удастся... что ж, спиртное можно было использовать не только для стерилизации.

Вздрогнув, кобыла закрыла глаза и покорно склонила голову.

— Прелесь! Мой чемодан, — произнёс он, встав позади кобылы. Саквояж имел пряжку с кодовым замком, и тяжелая кожа была исцарапана когтями или ножами, но чтобы пробить шкуру дракона, потребовалось бы что-то большее, чем это. Внутри обнаружилось настоящее сокровище — медицинские инструменты в мягких вельветовых мешочках.

— Это серебро? — спросила Прелесь, обозревая множество зажимов, пинцетов, игл и крючков; её нос судорожно подёргивался.

— Покрытая серебром нержавеющая сталь, — беря бутылку, тихо произнес он, и, смыв кровь со спермой, принялся за работу. Скользнувший на глаза набор увеличительных стёкол и гинекологическое зеркало¹⁰, позволили ему найти травму — разрыв, находящийся прямо перед шейкой матки. Он не угрожал ее жизни, но все же был достаточно опасен, поскольку мог привести к выкидышу и смерти от последующего кровотечения. И это не говоря даже о возможности попадания инфекции. Теперь пришло время использовать все его навыки. Вколов ей тщательно отмеренную дозу обезболивающего, он продолжил работу. Алетта и глава семейства поддерживали её в вертикальном положении и неподвижной, в то время как испытывающая тошноту Прелесть помогала доктору.

— Разрыв прямо напротив матки, — пробормотал Гален, решив отложить негодование по поводу травмы от изнасилования на потом. — Самым мудрым было бы совершить аборт и спасти жизнь матери. — Его наставница не медлила бы ни секунды. Живая мать могла бы родить в будущем ещё больше жеребят. Одна жизнь в обмен на множество других.

— Ты обещал, — произнесла Алетта, пристально взглянув на него, в её взгляде читались обида и гнев.

Он обещал. И всё же... Гален закрыл глаза. Для Менди это было просто... но он был Карнилия, пусть и предавшим традиции.

Сняв с морды прибор, Гален вернул его обратно в саквояж, пристегнув ремешками.

— Придётся дать все зелья. Посмотрим, что я смогу сделать. Найди три банки кетгута¹¹ номер четыре, но не открывай их, пока я тебе этого не скажу, — принявшись за работу, приказал он Прелести.

Ограничить боль и страдания. Неправильное сделать правильным. Расположить кость прямо. Чистые нити и опрятные швы. Он буквально представлял себе спокойный голос наставницы, которая трудилась в его присутствии над пациентами, демонстрируя всевозможные способы скрепления тканей. Его похожий на уздечку боевого седла намордный удлинитель выпускал из себя находящиеся в нём инструменты, пока Гален работал внутри её лона. Тем не менее он выдохнул уголком рта, когда закончил накладывать шов на разрыв, после чего наложил ещё один, чтобы удостовериться, что кетгут продержится до момента родов. Инфекция делала всё весьма рискованным, но это была Пустошь, и выбора тут не было.

Закончив, он зашил ткани и мышцы, не повредив при этом матку. Подхватив кобылу, пара зебр помогла ей лечь на пол, пока Гален мыл свои инструменты в алкоголе, после чего сложил их все в красный хлопковый мешок. Позже ему придется должным образом их простерилизовать. Дав указания покрытому шрамами патриарху, который кивал, будто вверяя памяти каждое слово, Гален оставил немного обезболивающего и антибиотиков, а также обычные наставления и предупреждения...

¹⁰ Диагностический инструмент в гинекологии, напоминающий причудливо изогнутую ложку.

¹¹ Кетгут — саморассасывающийся хирургический шовный материал из высушенных и скрученных кишок мелкого рогатого скота.

Будем надеяться, что она ему нужна и примет все лекарства, а не сохранит их на будущее.

Затем он повернулся и увидел пристально смотрящую на него полковника, которая стояла вместе с четвёркой покрытых шрамами, клеймёных солдат.

«Ну, вот и всё», — подумал он, со щелчком закрывая саквояж. Они заберут его с собой, и он до самой смерти — или полного выгорания — будет латать солдат.

— Доктор Гален, — спокойно произнесла полковник. — Мы скоро выдвигаемся. Кровавики планируют контратаковать, и нам лучше бы ударить по ним прежде, чем они подтянут подкрепления.

— Понимаю, — невозмутимо произнёс он.

После этого она вытащила из своих перемётных сумок конверт.

— Пожалуйста, проследи, чтобы это вернулось обратно к Веге. — Кинув жеребцу конверт, который он поймал копытами, она повернулась к двум грифонам, которые остановили их на дороге:

— Грюсом. Г... — улыбнувшись, она замолчала, покашливая. — Скайлорд. Пожалуйста, сопроводите их обратно в город и возвращайтесь. — Первый резво отдал честь, в то время как второй проделал это с гораздо меньшим воодушевлением, и, как только полковник отвернулась, закатил глаза.

Гален положил конверт в саквояж. Если это было ценой его свободы, то он непременно её заплатит.

— Тебе следует отправиться с нами. Всем вам, пока не вернулся Кровавый Легион, — умоляла отца Алетта.

— Это наша земля. Наш дом. И мы будем заботиться о нём, пока способны это делать, — сказал он, и прижал её к груди. — Спасибо, что вернулась.

— Боюсь, всё это обрушилось на вас из-за моего проклятья, — пробормотала Алетта.

— В нынешние времена я боюсь, что все мы прокляты, — сказал он, поцеловав её в лоб. — Живи; и увидь завтрашний день.

Затем они вернулись в прицеп и неторопливо направились обратно в Рисовую Реку.

— Спасибо, — тихо произнесла Алетта.

— Я просто сделал то, что сделал бы любой лекарь-менди, — с бледной улыбкой произнёс Гален, и покрытая шрамами кобыла, поднявшись на ноги, пересела на его сторону прицепа и положила голову ему на плечо. Жеребец уставился на неё так, будто она могла его укусить или отрастила вторую голову.

— Нет. Ты сделал намного больше, — ответила Алетта и прильнула к его губам. Его разум пытался дать какое-нибудь логическое объяснение этому безумию, но так и не преуспел в этом. А затем она дала ему простой ответ, такой, который ни одна кобыла не давала ему с того дня, как он отправился на учебу под руководством своей наставницы и вернулся с красными полосками. Сколько уже прошло времени? Десять лет? Больше?

Ах... Целая жизнь.

* * *

Двигайся... Двигайся. Двигайся! Чего она ждёт? Приглашения? Она что, где-то заперта? Мертва? Если она мертва... нет. Она слишком сильно проклята, чтобы просто умереть. Выпученные глаза вглядывались во тьме во всё ещё спокойный омут, будто заставляя её начать двигаться.

Вдруг по земле прошла едва заметная вибрация. Источник далекий, но мощный, словно идущий в глубинах товарный поезд. Галька, упавшая со свода пещеры, пронзила гладь омута, вызвав хаотично расходящиеся круги голубого, зеленого и красного света. Глаза широко открылись, вглядываясь в цвета.

— Что...

* * *

Эпплузийский Тракт представлял собой протяжённый участок пустынной местности, простирающийся с юга вплоть до самой Новой Эпплузы. Баззард Бик вёл брамина с двумя охранниками через ущелье, внимательно поглядывая по сторонам. Пусть старый грифон и потерял один глаз в стычках с рейдерами, но острое зрение оставшегося позволяло ему всегда быть начеку. Один из охранников, единорог, следил за местностью позади и по бокам каравана, а второй, жеребец-земнопони, правил брамином. Эта тварь хоть и имела два мозга, умом уступала пони раза в четыре.

В вышине лениво нарезал круги стервятник. Даже спустя два столетия эти птицы всё ещё обитали здесь. Но это был, по крайней мере, не один из тех жутких мутантов. А просто ваш персональный утилизатор. Старые крылья грифона всё ещё тосковали по полётам, но минуло уже немало лет с тех пор, когда они были сильными настолько, чтобы поднять его в воздух.

Мёрси была бывшей рейдершей... ну, возможно, не такой уж и бывшей. Однажды кто-то прошёлся по её шкуре опасной бритвой, оставив на грязно-жёлтых боках слова «шлюха», «блядь» и «сука». Брик же был непроходимо туп, да ещё и с шёрстью цвета той субстанции, что выходит из-под хвоста после особенно тяжёлого запоя. Его крошечного умишки едва хватало на то, чтобы править брамином, и на собственные нужды уже не оставалось.

— Так... ты думаешь о том же, о чём и я, Люси? — промычал брамин.

— Возможно, нет, Боб, — лениво ответила другая голова.

— Я считаю, что Дарительница Света не может быть реальной пони. Только подумай, как ей удалось выжить в Кантерлоте. Она определённо робот, — с азартом произнёс Боб.

— Возможно, нет, Боб, — пробормотала Люси.

Брамины... Вечно они болтают сами с собой.

И тут старый грифон остановился. В полутьме неясно вырисовывались мёртвые деревья, устремлявшие в небеса свои голые изломанные ветви. Единственной жизнью в этом месте были лишь рейдеры да случайно забредшие радсвины. Поэтому грифон и любил этот маршрут. Он ходил по нему много раз и знал здесь каждый пенёк, каждый камень.

И этот цветок, распутившийся прямо посередине тропы, определённо выбивался из привычной картины.

Это не был одинокий сорняк или пучок травы, которые изредка попадались то тут, то там. На пути каравана распустился прекрасный фиолетово-синий цветок, источавший сладкий аромат, которого здешние места не знали уже несколько столетий.

— Смотри, — взволнованно произнёс Брик, указывая в сторону, где прямо на их глазах из-под земли пробился нежный бело-зелёный колокольчик. — Миленький! — рассмеялся он, стуча по земле копытами.

— Босс, — рывкнула Мёрси, выхватывая свой лучевой пистолет и направляя его на распускающуюся вокруг них зелень. — Во что мне стрелять? — спросила она, переводя оружие с одного растения на другое, пытаясь идентифицировать цели.

— Ух ты! — заревел Боб.

— Ничего себе! — пробормотала Люси.

Зелёные лианы начали карабкаться на деревья и оплетать кустарник, чьи мёртвые ветви вдруг затряслись и ожили, выпуская собственную листву. Травяной ковёр укрыл землю по обе стороны от тропы, а затем под сочной зеленью утонула и она.

На ближайшем дереве набухла и раскрылась почка, высвобождая нечто голубое и... пушистое. Баззард Бик уставился на этот лохматый комочек, который вдруг встряхнулся и уставился на грифона бусинками чёрных глаз. Затем голубая сойка забила крыльями и, вспорхнув на ближайшую ветку, начала петь. И она оказалась не единственной. Десятки... а затем и сотни живых существ начали возникать вокруг них словно бы из ниоткуда. И они, похоже, были ошарашены этим фактом не меньше самого грифона.

«Я спятил. Это ясно как день», — подумал тот.

Но на этом безумие не закончилось. Мёрси вдруг закричала голосом, которого старый грифон никак не ожидал услышать от угрюмой, костлявой, изувеченной экс-рейдерши: полным радости. Прямо на его глазах шрамы на теле кобылы начали исчезать вместе с прочими следами, оставленными множеством жизненных передрыг. Баззард повернулся к Брику и увидел, как преображаются тусклые уродливые черты этого тупицы. Тот стал сильнее и здоровее и смотрел на Мёрси осмысленным и полным сострадания взглядом.

Грифон посмотрел на свои истёртые и потрескавшиеся когти и увидел, как они наливаются новой жизненной силой. Он сжал пальцы, но не почувствовал ни малейшего намёка на артрит. Баззард расправил крылья и взмыл в воздух... не ощутив ни боли в мышцах... ни жжения в суставах. Это было чудо. Истинное чудо!

И, словно в доказательство, брамин вдруг издал вопль, но скорее от удивления, а не от боли. Это выглядело так, будто две огромные невидимые руки разломили животное надвое, словно косточку желаний, но вместо того, чтобы превратиться в кровавое месиво, брамин начал регенерировать утерянные части тела. Все опухоли и мальформации¹² исчезли без следа, и на Эквестрийской земле впервые за несколько столетий возникли бык и корова.

¹² Мальформация - любое отклонение от нормального физического развития, аномалия развития, повлекшая за собой грубые изменения строения и функции органа или ткани.

— Люси? — произнёс бык, глядя на корову большими сияющими глазами. Та просто кивнула. — Ты — красавица, — промычал Боб, и они слились в страстном поцелуе. И не только они... Мёрси скинула свои доспехи и теперь сладострастно обжималась с Бриком. Да и сам Баззард почувствовал, как просыпается его либидо. Он огляделся вокруг, словно ожидая, что прямо перед ним вдруг волшебным образом возникнет самка, готовая создать с ним семью. Под глазной повязкой внезапно стало влажно, и грифон снял её, взглянув на мир двумя здоровыми глазами.

И эти глаза наблюдали, как разрастаются кроны деревьев, становясь всё гуще. Булыжники и скалы, казалось, также раздувались, словно соревнуясь между собой, кто создаст наиболее сложное и диковинное кристаллическое образование. А воздух буквально звенел от щемящих душу птичьих трелей.

«Должно быть, это та штука! Те самые Сады Эквестрии, над которыми трудились пони! Это единственное объяснение!»

А затем... наступила тишина. Всё замерло, словно мир вдруг задержал дыхание. Баззард уставился на крошечный белый цветок, распускавшийся на лиане прямо перед ним. Весь его мир сосредоточился сейчас в этом совершенном прекрасном соцветии.

И прямо на глазах грифона его лепестки вдруг задрожали, а затем почернели и облетели на землю.

И как только это произошло, феноменальный рост обратился вспять. Деревья застонали, когда их листья пожухли и опали, а по стволам побежали трещины. Птицы бросились враспынную, яростно лупя крыльями в попытке спастись, но погибали прямо на лету, и их тела градом падали вниз, смешиваясь с листопадом.

— Боб! — завопила корова, когда все животные вокруг них начали биться в агонии. Какая-то невидимая сила, казалось, буквально разрывала их изнутри, орошая землю гниющими внутренностями. Те же самые невидимые руки впились в плечи и лапы грифона, и тот с ужасом уставился на свои когти, почерневшие, словно головешки.

Опавшие листья не оставались просто лежать на земле. Они практически моментально скукоживались и рассыпались в прах. Боб и Люси прижались друг к другу и дрожали от страха, пока кристаллические образования взрывались вокруг них, словно стеклянные гранаты. Сплетённые тела Мёрси и Брика лежали на земле. Баззард тоже отчаянно желал обнять сейчас кого-нибудь. Грифон инстинктивно взмахнул крыльями, и их кости сломались с той же лёгкостью, что и ветки на окружающих деревьях. Сверху сыпал настоящий дождь из древесины, и переломанные ветки с прутьями вонзались в землю, словно копья. Баззард крепко зажмурился и обхватил себя лапами, словно он был птенцом в плену урагана, открывавшим глаза на короткий миг, когда страх неизвестности становился непереносим.

Быстрый взгляд: все деревья повалены на землю вокруг него.

Быстрый взгляд: Боб и Люси лежат неподвижно неподалёку.

Быстрый взгляд: массивные стволы деревьев взрываются, словно бомбы, опадая вниз облаком пыли.

Быстрый взгляд: Мёрси и Брик лежат раздавленные под огромным стволом.

Быстрый взгляд: пистолет Мёрси валяется возле его ступни, сломанный, выцветший и потемневший, словно он был брошен здесь столетия назад.

Быстрый взгляд: окровавленные бычьи и коровьи кости, навеки сплетённые в объятьях.

Никаких больше взглядов украдкой. Когда шум утих, Баззард остался сидеть в одиночестве среди залежей поломанного дерева. Каждый вздох отдавался болью в его груди, и дыхание было последним действием, которое могло совершать его тело. Грифон поднял на кружащего в вышине стервятника свой взгляд, теперь уже затуманенный и подслеповатый. Собрав остатки сил, он протянул дрожащую культю своей лапы в сторону падальщика и прохрипел:

— П... п...

И тут земля разверзлась. На мило в каждом направлении грунт провалился, образовав бездонную яму, в которой сгинули все признаки существования чудесного леса и караван, ставший его невольным свидетелем.

А затем стены карстовой воронки дрогнули и с грохотом обвалились. Стервятник, встревоженный шумом и образовавшимся облаком удушливой пыли, направился на север в поисках более свежих трупов. Пыль осядет и, со временем, этот маршрут забросят. Но останется впадина, бесплодное грязное углубление на теле мира.

Навеки.

* * *

— ...это было? — спросил смотрящий, когда свет угас, а на омуте осталась лишь слабая рябь. Тьма вернулась.

Довольно ожидания. Одного года вполне достаточно!

Пора найти эту проклятую пони и заставить её снова двигаться.

[← Предыдущая глава](#) * [На главную страницу перевода](#) * [Следующая глава →](#)